

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№8/2020

16+

8

Журнал «Юность» 2020

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №08/2020

Редакция журнала «Юность»

2020

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №08/2020 / Литературно-художественный журнал — Редакция журнала «Юность», 2020 — (Журнал «Юность» 2020)

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года.

© Литературно-художественный
журнал, 2020

© Редакция журнала «Юность», 2020

Содержание

Поэзия	6
Виктор Волков	7
Баллада отправления	7
«Я затевал игру...»	8
«Оступился у ржавых балясин...»	9
«Горностаевым страхом прижат к траве...»	10
Игорь Касько	11
Переводчик тишины	11
Одиночество в Коктебеле	12
Мне было четыре	12
Татьяна Стоянова	14
Любовь во время чумы	14
Смирительная рубашка	15
Выдох	16
Носилки	17
Молитва	18
Эльмира Шарифуллина	19
«Воздух, мыслью окутан, застыл ошалело...»	19
Наталья Макеева	21
Возвращение из Крыма (2017)	21
Крым (2018)	22
Пуля	23
«Бывает так: соседи стоят на лестнице...»	23
Анна Кочарян	25
«я росла, тянулась к тебе через воду...»	25
«босиком по полю...»	26
«залетела сойка, сломала крылышко – не встать, не выпорхнуть...»	26
«коронованный лев сторожит краснокаменный город:...»	27
Ивак Волосюк	28
«И было так: мы ехали домой...»	28
«Я так тоже могу: мы вполсилы дышали...»	29
«Меня по средам в школе избивали...»	29
Exegi Monumentum	30
Проза	31
Владимир Гендлин	31
Множественные манипуляции. Или полет букета роз дурацких...	31
Игорь Малышев	52
День в отпуске	52
Юрий Никитин	56
Prodykt	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Журнал «Юность» № 08/2020

© С. Красаускас. 1962 г.

На 1-й странице обложки рисунок Екатерины Горбачевой «Летние сумерки»

Поэзия

Виктор Волков – сложившийся поэт. Он молод. Ему 23 года. Учился в университете, в Санкт-Петербурге. Служил в армии. Живет в Муроме. Стихов у него много. И он никогда не печатался. Поэзия Волкова – сплав лирики и своеобразной эпичности. Сокровенное и трагическое, душевные порывы и непростая нынешняя повседневность, фантазия и документальность, хранимая в сердце тайна и оправданная откровенность в этих динамичных, выразительных, ярких, порою яростных по накалу мыслей и чувств, очень личных, со своим собственным взглядом на мир, со своим голосом, своим лицом, сразу же узнаваемых, всегда выстрадавших, смелых, даже отважных стихах словно сплетены в некий энергетический, светящийся шар. Волков, по всему строю, по словарю, по структуре стихов, поэт очень русский. Он прямой продолжатель линии Леонида Губанова в нашей поэзии. В его стихах, как это было и у Губанова, есть то, что с такой силой высветилось когда-то у Бодлера, – ранимая и беззащитная прямота решительных и суровых определений, радость сквозь боль, готовность принять и понять все многообразие и все сложности жизни, умение смотреть прямо в глаза яви. Замечательно, что дебют Виктора Волкова состоится в обновленной, притягательной для талантливых молодых авторов «Юности».

Владимир Алейников

Виктор Волков

Баллада отправления

Мой припозднившийся вагон
Казался городу врагом,
Когда с везучим интересом
Разгуливал по мокрым рельсам.
Он – пустоватый ветеран —
Ветрами окна вытирал,
Сопел, выплевывал двуглазых
По несколько десятков – разом.

На все с опаской черный город
Смотрел, насторожив перрон:
На то, как вновь, вдесятером,
Кричали пассажиры: «Скоро?»

Когда посадка, и куда ж
Поедем в этот раз, мерзавцы?»
Многоколесный экипаж
Им не хотел добром казаться.

Он стрелами безумный гуд
Пускал, шутник, в кого ни попадя,
Он обволакивал всех в копоты,
Без разницы, как обзовут,
Как наговняют в нужнике,
Что выкинут от злости в тамбур...
Отплясывал на рельсах танго
Вагон веселый, налегке.

Я ждал его, весь не в себе,
Мне мнилось, что неподалеку,
Да-да, в каком-нибудь селе
Он в омут, словно снайпер, с лету,
Мог угодить, что не спасут
Его мерзавцы-пассажиры,
Что зря мы без него тут живы,
Что недалек и Страшный суд.

Там, там, без возмущенья спросит,
Причесывая градом просесть,
У всех и сразу Мировой:
«Что скажете?» И грустный вой
Подымет в стране снежинок.
«Помилуйте! Мы – пассажиры.
Мы не дождалась гордеца...»
И Бог смахнет слезу с лица.

Вагон же, где-нибудь, вдали,
Да не в селе, да не скандально,
Полюбит любоваться далью.
(А мы – бедняги – не могли.)
Без опасенья на трубу
Бред наматает, мглой уколот,
И въедет наконец-то в город,
И я к приезду подгребу.

«Я затевал игру...»

Я затевал игру:
Высказывал в лицо,
Что больше не умру,
Не стану подлецом,

Что, догорев дотла,
Собой украшу печь,
Что ночь меня могла
Однажды не сберечь,
А выкинуть рукой,
С отяжкой даже – за борт,
Что ты мне рассказала,
Кто я, зачем, какой.
Лица же злой анфас
Смотрелся безучастным.
Такое в первый раз
Со мною (было часто).
Его не удивил
Запальчивый рассказ мой
О юности прекрасной,
О трудностях без сил.
Потом уже глядели мы
С презреньем друг на друга
Неделями, неделями,
Неделями... По кругу.

«Оступился у ржавых балясин...»

Оступился у ржавых балясин,
Утыкаясь в знобящую сырость.
Если смысл был раньше не ясен,
То теперь все вполне прояснилось:
И безродные строки в альбомах,
И комар, укусивший под локоть, —
Все ростки вдохновения в робах
Устают по подъездам волокать.
Так и станешь совсем безъязыким,
По верхам, по низам в беготне той.
Я упал говорливой кометой
В шаловливые руки музыки, —
Нам бренчать изверженья мелодий,
Нам клубиться разбуженной рясой,
Ожидая в последнем приплоде
Не исторгнутый маткой слой мяса,
А подсчет всем грехам и заплатам,
Коиx было, по совести, сотни.
Будет голос дарованный отнят, —
От кометы останется атом,
Но сморкнется в безликую грусть он,
Как в платок, что в кармане лежит,
И восстанут, смеясь, чертежи,
Разлетевшись по всем захолюстьям.

«Горностаевым страхом прижат к траве...»

Горностаевым страхом прижат к траве,
Отстрадав оскорбления, ползу я в глушь.
Если хочешь – сама убедись, проверь,
Если хочешь – побег нарушь.

Когти дико впиваются в молочай,
Зубы точатся о слюну.
Если хочешь – на том берегу встречай, —
Я обратно не поверну.

Не Психея вынудила к тому,
Не бастард напугал острием.
Если хочешь – останься. Отдашь кому
Все добро, все добро свое?

Челобитные – слышу – уже звенят:
Неугоден побег Творцу.
Если хочешь – выдай толпе меня,
И доставь без сил ко дворцу.

Только зяблик подмигивает из куста:
Целомудрен, вертляв, пернат.
Мы бежим. Объявляют по всем постам,
Как я глуп и как ты верна.

Игорь Касько

Поэт, переводчик, публицист. Член Союза российских писателей. Один из организаторов литературной группы «Кавказская ссылка» (Ставрополь). Дипломант Международного Тургеневского литературного конкурса (2018). Участник литературных фестивалей (Санкт-Петербург, Пермь, Красноярск, Коктебель). Автор трех книг и многочисленных публикаций в газетах и журналах.

Переводчик тишины

Я – просто переводчик тишины,
которая стучится в наши души
со всех фронтов: от мира до войны,
сквозь перемирий плен, что был нарушен
миллионы раз под тяжестью вины.

Я – просто переводчик тишины

с небесного на русский. Без ошибок
никак не обойтись. Они видны
всем тем, давно достигшим глубины,
что более меня одарены,
чей стих прозрачен, ясен, легок, зыбок,
как птиц полет по краешку весны.

Я – просто переводчик тишины,
толмач, каких немало в этом мире.
Я – воин рифм в застиранном мундире.
Но капли крови все равно видны...

Я – просто переводчик тишины...

Одиночество в Коктебеле

Сентябрьский дождь штрихует Карадаг
и шелестит волной.
Полночный Коктебель – как саркофаг:
угрюмый, неземной.
Сидит рыбак на пирсе. Вымок весь,
согнулся запятой.
Засеребрилась вдруг морская взвесь
под лунною пятой.
На миг один спустилась красота
с небесных палестин.
...И снова дождь. И снова темнота.
Рыбак опять один.

Мне было четыре

Мои корабли бороздили херсонские степи,
и их якоря целовались в засос с целиною.
Я помню, водил корабли на бахчу к водопою:
гремели, змеясь по пылюке, железные цепи.

Мне было четыре. Не века. Не жизни. А гóда.
Я помню поселок. На ферме работала мама.
И степь для меня была домом, и садом, и храмом.
А крышей – бескрайняя твердь небосвода.

Мои самолеты влетали в соседские окна,
гонимые жгучими вздохами пыльного ветра.
Старуха Петрова по-свойски, но авторитетно,
меня называла залетным. Ее хлесткий окрик

летел из окна вслед за брошенным вниз самолетом.
Ей вторил петух. Разносилось его «кукарéку»
стремительным эхом вдоль улиц за школу, за реку.
А я наслаждался беспечным, как детство, полетом.

Мне было четыре. Я жизнь запускал, словно птицу,
и верил, что если все время лететь, не садиться,
то через сто лет залетишь аж за самый за край
«не знаю чего». Но то место похоже на рай.

Татьяна Стоянова

Поэт, инициатор, вдохновитель и куратор литературных проектов и событий. Автор сборника стихотворений «Магрешка». Родилась в 1990 году в Кишиневе. Училась в Московском государственном университете печати. Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Нижний Новгород», «Наше поколение», «Русская жизнь», альманахе «Я и все». Участник студии литературного творчества «Я и все» под руководством В.Д. Майорова. С 2014 года занимается продвижением современной русской литературы в издательстве «Редакция Елены Шубиной» («АСТ»).

Любовь во время чумы

эту чуму придумали для нашей с тобой любви
чтоб шли корабли до точки конечной без остановок
смотри капитан он тоже с любовью здесь заодно
он тоже забрал в последний заплыв свою тайну страсть
там где-то живые люди они нас боятся верят

мы сами сказали что с нами идет в их дома чума
они закупили маски чтоб спрятать лицо от Бога
они закупили оптом бутылки святой воды
я знаю когда пристанет корабль к тому причалу
где ждет всех патруль и даже ввели комендантский час
то нас разлучат закроют как первых врагов народа
как тех преступивших главный из списка земных грехов
давай будем так скитаться по белым ничейным рекам
давай не пойдем к причалу останемся здесь вдвоем
мы слишком стары чтоб верить что выживем в карантине
мы слишком узнали поздно как нежить ласкать любить
что можно вот так губами как будто ты полумертвый
вдруг пьешь из руки господней глоточек живой воды

20 марта 2020 года

Смирительная рубашка

ровно год назад
мы стояли с тобой в обнимку
пили на кухне вино и курили
ты смотрел в раскрытое окно
и говорил что мы пытаемся
выбраться из этого мира
как из комнаты
через форточку к богу
потому что здесь на земле
слишком больно
что мы пытаемся прорваться к нему
своей яростью
своей дерзостью
своей похотью
что мы свободны потому что вместе
и так похожи что смерть
походит за нами кругами
не распознает кто есть кто
и замкнется в себе
мы не попадемся
в очередной раз сбежим улизнем
ты говорил что есть что-то большее
чем эти панельки
ипотеки
распорядки
ты говорил что любовь сильнее смерти
и я верила тебе
пока однажды она не постучалась
в нашу жизнь в белом
защитном костюме и маске

пока однажды она не надела на тебя
смирительную рубашку
и ты не написал мне
что не хочешь ничем рисковать
потому что уже в зоне риска
и это не красная зона нет
серая
безвоздушная
обездвиженная
и тогда оказалось
что никого не спасут
ни форточки ни заговоры ни побеги
потому что ты добровольно
запер себя в четырех стенах
а я осталась на свободе
квартиры очень похожи
на футляры или гробы
и каждый раз когда мысленно
прохожу мимо твоего дома
я вижу тебя лежащим в ящике
в белой смирительной рубашке
ты не можешь дышать
тебе душно и страшно
и ты просишь меня
подойти к окну
и открыть форточку
с обратной стороны
но я никогда не смогу
до нее дотянуться

14.05.2020

Эпилог

я нашла страницу с этими стихами, написанными от руки, на дне
шкафчика у моей постели.
медсестра сказала, девушка, которая лежала здесь до меня, умерла
два дня назад.

28.05.2020

Выдох

однажды мы откроем двери
выйдем из наших домов
взявшись за руки
и увидим что пока

мы прятались от смерти
мир спокойно
обходился без нас
мы увидим что все поляны
зажелтели одуванчиками
все сады зацвели
и распахнулись небу
все деревья
затаили в себе
птичий щебет
словно зеленые
музыкальные шкатулки
мы увидим что на самом деле
нужны только друг другу
живыми и мертвыми
а этой маленькой планете
с ее необратимыми вспять реками
и вечным кружением
вокруг одной точки
пришла пора остановиться
выдохнуть полной грудью
и сбросить с весов
нас и наше дыхание
слуть будто пушинку
с головки одуванчика
вдох
выдох
вд ох
вы до х в ы д о х
в ы х. о д
ы х
о д
о

18 мая 2020 года

Носилки

Мы однажды умрем. Оказалось, что это не ново.
Оказалось, что мир поделился на «после» и «до».
Арестанткой из дома на волю иду по УДО.
Из подъезда со мной на носилках выносят больного.
Я не знаю: зачем так случилось, но только из нас
Не меня увозили в казенной машине в то утро.
Я запомнила белый зрачок – как нутро перламутра.
Я запомнила: ночь – значит, кто-то кого-то не спас.
Выходили со мной только три человека к ступеням:
Санитары и сын. Он сказал: «Значит, маме пора».

Я взяла его за руку: «Это такая игра.
Мы сейчас ее заново (слышишь?). Сейчас все отменим».
Он стоял и смотрел у подъезда, глухой и немой,
И безвольные пальцы его холодней были льда.
Я не знаю, зачем так случилось, но лучше б тогда
Санитары не с ней увозили носилки – со мной.

14 марта 2020 года

Молитва

Прости же нас, Господи, и отпусти грехи.
Я верю: ты знаешь – мы вовсе не так плохи.
Под инеем хворост – не собран – лежит в лесу.
Без силы твоей я вязанку не донесу.
А в доме не топлено, в доме беды ушат.
А в доме холодном голодные дети спят.
А я босиком, и в обмотках моя стопа.
И снег на тропе – как растертая скорлупа.
Прости меня, Господи, знаю, я лишний груз.
Но сын мой, как твой – милосерден и светло-рус —
Сегодня с утра рассказал, что всегда во сне
Он видит висящим тебя на сухой сосне.
Ему отвечала я: Боженька наш – живой.
Но сын все молчал и покачивал головой.

29 сентября 2019 года

Эльмира Шарифуллина

Родилась в 1999 году. Поэт, переводчик. Студентка Литературного института имени Горького.

«Воздух, мыслью окутан, застыл ошалело...»

Воздух, мыслью окутан, застыл ошалело.
Солнце тянется кромкой по темным домам.
Обруч звонко вонзается в нежное тело,
Рассекая его пополам.
Лишь дыханье царит надо всем миром звуков,
Пот крадется меж ребер прозрачной змеей.
Под ударами мерными тело упруго
Выгибается жадной дугой.
И закрыты глаза, и ничто не встревожит
Этих вдаль распростертых, трепещущих крыл,

Не прервет хода токов, бегущих под кожей,
Этих юных избыточных сил.
И остался вдали, за окном, за порогом
Вечный шум, порожденный тоской о любви.
Есть лишь обруч и солнца лучистая кромка,
Есть лишь огненный сахар в крови.

Наталья Макеева

Родилась в 1975 году в Москве. Автор книг «Сияющий бес» (2008), «Векторный лотос» (2015), «Ничего странного» (2018). Окончила Литературный институт имени Горького. Занимается журналистикой и общественно-политической деятельностью. В 2019 году заняла второе место в поэтическом конкурсе Союза добровольцев Донбасса.

Возвращение из Крыма (2017)

Я не знаю, в какой мы области
Бесконечность зеленого цвета
На предельной несемся скорости
М4, прости нам это.

Все живое, а мы – холодные
С места брошенный взгляд мой каменный
Разбивает поля дородные

И деревьев стволы хрустальные

После нас – листопад и изморозь
Пятна черные в поле стыннут
Псы голодные рвутся с привязи
Край заброшен и дом покинут

Эта трасса видала многих
Мы ведь тоже на ней проездом
Завтра раны залечит поле
И посадки проснутся лесом.

Крым (2018)

Почему эта синь заливается прямо в мозг
И снова напиться тянет не в бровь, а в глаз.
Я вернусь, ты вернешься, и будет закат промозгл,
И душевные шубы укроют продрогших нас.

И душевные ночи, если решим в побег,
Будут несносно медленно нас душишь.
Грязные тени лягут на грязный снег,
Смерть не придет, будет просто такая жизнь,

Литрами льющая в мозг душно-серый жмых,
Клейкою лентой лепящая к себе.
Как получилось, что ты еще жужишь?
Просто жужишь, уже не пытаешься петь.

Не торопись. Будет, будет такая синь —
Жгучей, иссиня-черной воды провал.
Ты уж, пожалуйста, доживи, не сгинь
Помнишь, как жарко он нас тогда обнимал?

Будет еще невозможная синева —
С куполом белым прямо над головой...
Встретит живая тебя на земле трава,
А белизна уляжется за тобой.

Ну а пока – принимай синеву в себя —
Как принимают с горя, с тоски ль на грудь...
Я вернусь, ты вернешься когда-нибудь,
И да минует нас душевная муть сия.

Пуля

*Мой гроб еще шумит в лесу,
Он дерево. Он нянчит гнезда.*

(с) Франтишек Грубин

Мой гроб птенцов качает в небесах,
Но пуля мне отлита до рожденья.
И в вязкой металлической тиши
Она от гильзы ждет освобожденья.

Она почти полвека спит во тьме,
Среди своих сестер в коробке тесной.
Издали доносятся до них
Рыдания, хохот, выстрелы и песни.

В душистом масле часа пули ждут
Кусочками диковинного сыра
И как плоды на грозди налитой
Вот-вот сорвутся на просторы мира.

Им снится бесконечная страна
И ветра свист – горячего, степного —
Всего лишь раз... всего один аккорд...
Всего одно, но сказанное слово!

...Она отлита мне и только мне,
Ее калибр до времени неведом...
Покуда спит, – я буду шатуном
В людском лесу ходить за вами следом,

Заглядывать в окошки и глаза,
Переставляя шахматы и стулья.
Искать того, кто состоит в родстве
Со мной и пулей.

«Бывает так: соседи стоят на лестнице...»

Бывает так: соседи стоят на лестнице
И кнопка лифта долго не нажимается
В трубке гудки как новостей предвестники
И дверь пугающе медленно открывается

Так ведь бывает и даже спорить не надо

Ты эти двери облупленные узнаешь
В каждой игрушечной дверце, калитке сада
Сам их пугающе медленно открываешь

И тишина ложится тебе под ноги
И тишина удушливо обнимает
Спать не дает, ежится на пороге
Тополь большой за окном до утра качает

И тишина. Потому что исчезли шорохи
Звуки собрали вещи и в путь отправились
Звуки припомнили прошлые беды-промахи
И тишину за себя доживать оставили

А поутру так бывает – опять на лестнице
Кто-то стоит, и клавиши залипают
И во дворе за тяжелой дверью увесистой
Тени твои на свету безнадежно тают

Анна Кочарян

Родилась в 1995 году в Ереване в семье врачей. После окончания школы переехала в Германию. Окончила медицинский факультет Гейдельбергского университета. Была научным ассистентом в одной из нью-йоркских больниц, работала над докторской диссертацией. Владеет пятью языками, читает на семи.

«я росла, тянулась к тебе через воду...»

я росла, тянулась к тебе через воду, и руки мои крепчали –
дети кричали – устанешь, утонешь – держали меня за плечи;
рассыпáлась на новые звезды,
текла ручьями,
растекалась по горлу теплой нерусской речью.

стала к лету прямее, стремительней, ростом выше, сероглазость
твою рисовала, твою упрямость, пока я была маленькой, а ты
ничего не слышал, разучила тебя по слогам и прочла на память.

ты пророчил, что этот город тебя проглотит,
ты боялся всего, а я становилась старше,
ты – из соли и слова, я – из крови и плоти,
мне тебя не любить так странно, легко и страшно.

2020

«БОСИКОМ ПО ПОЛЮ...»

босиком по полю
в платице из ситца; яблоки на блюде; тополиный пух. расскажи
мне сказку
о волшебной птице —
что размером с остров – белой птице Рух.

если ты захочешь, мы ее отыщем;
мы поедем к морю —
прямо на восток.
только нужно время, нужно верить, слышишь? дай мне твою руку
—

море за мостом.
платице из ситца, яблоки на блюде.
ты мне часто снишься, снится летний сад. неужели больше ничего
не будет?
я пойду обратно —
в двадцать лет назад.

утекли все реки,
отгорели звезды
на холодных ребрах
черепичных крыш.
опустились руки,
опустели гнезда.
расскажи мне сказку.
что же ты молчишь.

2019

«ЗАЛЕТЕЛА СОЙКА, СЛОМАЛА КРЫЛЫШКО – НЕ ВСТАТЬ, НЕ ВЫПОРХНУТЬ...»

залетела сойка, сломала крылышко – не встать, не выпорхнуть:
поили с ложки —
ржаные крошки —
болит, болит.
просто надо вдохнуть глубоко и выдохнуть;

разойтись по разным
концам земли.

2020

«коронованный лев сторожит краснокаменный город:...»

коронованный лев сторожит краснокаменный город: черный лес,
золотую
мартышку и мост. в январе, белым мелом, когда снег залетает за
ворот,
напиши над порогом своим имена трех царей.

посмотри на тяжелые ребра и лестницы кирпичи, стрелы башен,
багровые стены,
огромную пасть. этот строгий язык изучай. разговаривай тихо.
будь бесстрашным. иди. постарайся, идя, не упасть.
слышу звон колокольни и скрип петушиный на шпиле, «Unser
Vater
im Himmel» в субботний предпраздничный день. мне остались
мои падежи,
мои Шуман и Шиллер,
непростое прошедшее время и песни детей.
примеряю слова из словесного пестрого сора,
по брусчатке стучу. крендель с солью – пожалуй, куплю. милый
город, мой
игрушечный пряничный город,
я тебя не люблю, я тебя не люблю, не люблю.

2018

Ивак Волосюк

Родился в 1983 году в городе Дзержинске Донецкой области в семье шахтера. Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета. Участник ряда Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, дипломант XVII Международного литературного Волошинского конкурса.

Живет в Донецке.

«И было так: мы ехали домой...»

И было так: мы ехали домой
из полугорода-полупивной,
где дням есть счет, и календарь исправный,
но все-таки Коперник не в чести,
и дворнику приходится мести,
как будто бы Земля стационарна.

Но разве я один среди людей
не видел зеленеющих полей,
где холм к холму приставлен для надзора?
Всё пропустив для нескольких минут,
когда понятно, что стихи придут —
внезапные, как вспышка метеора.

«Я так тоже могу: мы вполсили дышали...»

Я сказал: виноград...

Мандельштам

Я так тоже могу: мы вполсили дышали,
рисовали огромными карандашами,
а в коробке лежал пластилин,
не хватало в конструкторе планок железных
да бинокля морского и зимних созвездий —
всё пропало и стало чужим.

Но в любое страданье и время любое
вы спросите: что было на фотообоях?
Я скажу: виноград, кирпичи.
Пацаны за окном набивали рябиной
все карманы, а я провалялся с ангиной
пол-июля, не знаешь – молчи.

Мне шестнадцать. Я месяц работаю в ЖЭКе,
а прораб говорит: «Поднимите мне веки»,
потому что вчера перебрал,
он легко не умел расставаться с вещами,
и когда ему зубы тащили клещами,
то, как русский разведчик, молчал...

Я не верил, что раньше он жил на Байкале,
мы его полудурком, по правде, считали:
я, Серега, Андрюха и Вэлл.
Он котенка назвал в честь Чижевского – Чижик
и, чуть что, говорил: «Господа все в Париже —
я живу, где мне Бог повелел...»

«Меня по средам в школе избивали...»

Меня по средам в школе избивали,
был график строг и Саша К. – жесток.
А ночью кони медленно ступали

и тяжело дышали между строк.

Звезда «Валюга» станет путеводной,
ты будешь ГРОЗ, а может, стволовой,
но если на тебе *печать Господня*,
ведь отсюда, слышишь, мальчик мой!

Неосторожно вынутый из детства
в тот мир, где *все хотят увидеть всех*,

не принял ни Держинска, ни Торца,
ты не за этих был и не за тех.

Exegi Monumentum

Все умирали – кто за кем
понять нельзя тому, кто выжил,
а я из старых микросхем
спаял себя и имя выжег.
Мой экземпляр второй шагнул
антропоморфными ногами,
он был крупнее – как манул
всегда заметней меж котами.
Он был бессмертный – вот она
для нашей вечности загвоздка,
ему одежда не нужна,
вода, и хлеб, и папироска.
Растает очередь в «Магнит»,
померкнут вывески любые,
а он задумчиво стоит
и смотрит на поля пустые,
где обрывается Россия...

Проза

Владимир Гендлин

Журналист и телекомментатор, около 20 лет проработал на творческих и редакторских должностях в Издательском доме «Коммерсантъ». Публиковался в журнале «Октябрь» (рассказ «Лихоман», 1994 год, № 12).

Многократные манипуляции. Или полет букета роз дурацких...

– ...Не сомневаюсь, что маниакально-депрессивная проблематика раскрыта у вас достаточно глубоко, да и написано весьма живо. – Мура Аполлоновна Свирипеева задумалась над стопкой бумаг. – И заразительно. Весьма. Так, есть кое-какие замечания к истерии и шизофрении. Не понравилось мне другое... Что же мне не понравилось? Ага, вот. Почему у вас не пронумерованы страницы? Вы должны самое серьезное внимание уделить внешнему виду вашей работы. Это ваше лицо!

«Я постоянно кому-то что-то должен, – мрачно думал Вадик Тараканов. – Когда это прекратится?»

Он с ненавистью взглянул на шевелящийся рот научной руководительницы.

– Вы меня слушаете? Что это вас так перекосило? Я говорю, что вы должны к завтрашнему дню пронумеровать страницы, перенести мои исправления – только аккуратно! – во второй экземпляр и оформить титульный лист. Титул – это ваше лицо! Сейчас покажу, как его нужно оформить... Она порылась в столе и достала пыльную папку, заботливо перевязанную розовой ленточкой.

– Это работа моего давнишнего ученика, – не без гордости произнесла Мура Аполлоновна. – Жертвую ее вам в качестве образца.

Вадик взглянул на титул. «Практическое внедрение теории многократных манипуляций в сельском хозяйстве». Лицо у этих «манипуляций» было идеальное: видно, ископаемый автор едва ли не языком вылизывал свой диплом. «Где-то он сейчас, уважаемый коллега... – Вадик опять взглянул на титул. – Коллега Мухрышкин Спиридон? Хотя ясно, что далеко пошел».

– Да! И не забудьте приготовить речь – вступительную и заключительную, – добавила Свирипеева. – Во вступлении скажете: «Уважаемая комиссия, уважаемый председатель, уважаемый оппонент, ува... жу-жу-жу, это понятно, на ваш суд представляется работа... жу-жу-жу... раскрывающая некоторые проблемы... жу-жу-жу... состоящая из... жу-жу...»

Убаюканный ее жужжанием, Вадик размышлял о том, что Мура вполне могла бы претендовать на звание чемпиона мира по боксу в тяжелом весе. Мощный торс, квадратная челюсть, здоровенные кулаки – не хотел бы он попасть под такой кулак! – но главное, это крутой нрав. Под стать фамилии.

– ...А в заключение скажете то же самое, только наоборот: мол, спасибо, дорогая комиссия, рад был познакомиться, дорогая комиссия, не поминайте лихом... Все запомнили? Ровно в двадцать два ноль-ноль позвоните мне и отчитайтесь, как выполнили мои указания. Господи! Завтра защита, а у него диплом не готов...

– Что будем делать с оппонентом? – спросил Вадик.

– Я вам нашла прекрасного оппонента, – Мура Аполлоновна доверительно понизила голос, – который согласился вам помочь исключительно из симпатии ко мне. Завтра ровно в одиннадцать ноль-ноль, то есть за час до защиты – не перепутайте! – прямо на этой кафедре вас будет ждать Рэм Григорьевич Оловянный. Отдадите для ознакомления оба экземпляра, а я приеду через час... Он положил оба диплома – образцовый и свой – в дипломат и поднялся.

– Вадик! – Она вдруг воскликнула с чувством. – Родной. Не подведите меня... Нам с вами нужна только пятерка!

Он изобразил на лице задумчивую, лучезарную улыбку.

– Ну что вы! Положитесь на меня – все будет просто великолепно!

«Надо же было пять лет учиться журналистике, чтобы потом писать о разных шизофренических... манипуляциях», – думал он, уходя с кафедры. И угораздило же его распределиться в «Психиатрические известия»!

По правде сказать, интерес к психологии у него возник еще на третьем курсе, после того как впервые обнаружился острый антагонизм в его отношениях с окружающими. Антагонизм этот выражался в том, что последние неприкрыто проявляли к нему любовь и восхищались его незаурядными способностями, в то время как он считал всех подонками и кретинами. Такое несходство взглядов не поддавалось никаким компромиссам и консенсусам, так как любое смягчение позиции приводило его к выводу, что он сам – подонки и кретин. Что было совсем уж неправдоподобно.

Из сортира наперерез ему выскочил пожизненно удовлетворенный Кукушкин.

– Тараканов! – воскликнул он. – Я тебя везде ищу.

Ты выдвинут в оргкомитет по проведению выпускного бала. Будешь главным камердиром... тьфу, церемониймейстером!

– А можно виночерпием? – сострил Вадик.

– Ха-ха! Шутник. Понимаешь, нужны люди, умеющие внести освежающую, неформальную струю. Будешь отвечать за незаорганизованность мероприятия. Может, хохму какую-нибудь расскажешь...

Сколько Вадик помнил, Кукушкин вечно заседал в президиумах, выступал на собраниях, гнул линию, давал отпор и желал успехов. Начав со старосты курса, он последовательно становился комсоргом, парторгом и еще каким-то студкомом, пока его карьера не дала легкий крен, сделав ненадолго председателем Общества друзей А. Ахматовой, после чего он возглавил Движение за проведение студре-форм. На всех этапах и изломах судьбы он неизменно благоволил Тараканову, то привлекая его в «Студ-колючку», то поручая сбор донорской крови, и даже пытался однажды назначить «совестью курса».

– Вообще, старик, я тебя не понимаю: ходишь как в воду опущенный, когда кругом такие дела творятся! Ну-ка, встряхнись... Мне как раз позарез нужен человек, способный зажечь народ, повести за собой... в светлое капиталистическое завтра, ха-ха. Фирму открываем...

«Чего им всем от меня нужно? – думал Вадик. – Вот еще один».

Он поднялся на третий этаж, где бабулька Колокольчикова собиралась принимать зачет по зарубежной литературе.

Ее уже окружала толпа хвостистов: все торопились получить допуск в учебной части к защите диплома. Вадик энергично протиснулся в передние ряды и там услышал, как кто-то из знакомых шепнул другому: «Будет спрашивать реферат, отвечай – сдал Губельману».

Согласно факультетской легенде, дворянские предки Колокольчиковой вели родословную чуть ли не от Рюрика, и все до одного, говорят, просто балдели от зарубежной литературы. Сейчас перед ней сидел амбал с лицом дегенерата и изливался в любви к античной поэзии.

– Лгуни-ишка... – Ее глаза потеплели. – Негодный шалун. Вы все знаете мою слабость. Ладно, что же вас так зацепило за живое у Гомера?

Она произнесла – «Гомэра». Амбал вытер пот на лбу и начал, закатив глаза:

– Ну, это... Как Одиссей приехал на остров...

– Так, так. – Колокольчикова мечтательно зажмурилась, словно грезила наяву этим солнечным берегом в Эгейском море, с его античными героями и чудовищами.

– Потом полез в пещеру...

– Ну же, продолжайте! Прошу вас!

– ...И выбил глаз Цицерону.

Старушка окаменела.

– Кому-кому, вы сказали?

Тот решил уйти в несознанку.

– Цицерону!

Бабуля чуть не упала в обморок. Ее оскорбили в лучших чувствах. Большого надругательства невозможно было придумать. Эти идиоты доведут до инфаркта...

– Позор! – громко сказал Вадик. – На пятом курсе не отличить циклопа от Цицерона!

Колокольчикова уставилась на него.

– Вашу зачетку.

Вадик торопливо выхватил из кармана зачетку и занял место амбала.

– Читали что-нибудь?

– А как же.

– Что слышно о Фильдинге?

– «Том Джонс – подкидыш».

– Найденыш... Как насчет Лопе де Вега?

– «Фуэнте охуэна».

– «...овехуна». Быстро, без подсказки – что у Фауста было с Маргаритой?

Вадик на мгновение перефокусировал взгляд ей за спину, где отличница Маша Птицына делала ему жест.

– Он ее... это...

– Что?

– Ну, того...

– Кого?

– Трахнул.

– Так и знала... Где ваш реферат?

– У Губельмана.

– Зачет.

Он схватил зачетку и уступил место очередному бездельнику. Уже за дверью услышал, как взорвалась Колокольчикова:

– Кто, черт побери, скажет мне наконец, кто такой Губельман?!

Когда он вышел во двор, его окликнули:

– Таракан!

У памятника стояли и махали ему две долговязые фигуры – Моталкин и Бутылкин, по прозвищу Розенкранц и Гильденстерн. Подобно двум шекспировским персонажам, они были неразлучны даже в сортире, и если вы встречали одного где-нибудь в курилке, во дворе или в пивняке, то можно было не сомневаться, что второй вот-вот вынырнет из какого-нибудь темного угла.

Вадик подошел к памятнику.

– А кстати, слышали про такого Губельмана? – спросил он.

– Знавал я одного Губельмана, – задумчиво произнес Бутылкин. – Выгнали в прошлом году с пятого курса, за пьянку. А что?

– Ничего... Я ему реферат сдал.

– Твой реферат в надежных руках.

Вадик вкратце рассказал историю с Губельманом.

– Это что! – сказал Моталкин. – Ты еще не слышал, как я Ейцову вчера философию сдавал? Сидим, значит, в аудитории, ждем его, ждем. Через три часа пошли звонить. Он снимает трубку и говорит: «Так и так, у меня запой, жена ушла на работу и заперла на ключ. Хотите, приезжайте, приму экзамен через дверь». Заваливаем к нему в подъезд, а он кричит: «Начинаю экзамен – троичники есть?» Рев голосов. «Зачетки под дверь!» Через минуту наши зачетки выскакивают назад, как с конвейера. «Хорошисты есть?» Таким же манером. Наконец: «Отличники найдутся?» Нашлась пара психов. «Все свободны, – кричит он. – А отличников попрошу спуститься во двор – посмотрю с балкона на ваши наглые рожи...»

«Чего он так веселится? Отчего он вечно так доволен собой?» – думал Вадик, глядя в его холеное, смазливое лицо. Когда-то давно, на первом курсе, Моталкин ходил в больших друзьях у Оли Шестиковой. Вадик не знал, в насколько больших, но он постоянно видел их вместе, даже на лекциях, и этого было достаточно. Достаточно того, что она позволяла такому кретину развлекать себя.

– На пиво идешь? – спросил Моталкин.

Гм, пиво. Волшебный напиток. Первая кружка идет тяжеловато... Немножечко горьковато. По правде, довольно гнусовато, особенно этот стиральный порошок, собирающийся на поверхности в виде пены. От этого момента нужно отвлечься, например, завязать разговор о политике. Вторая кружка терпимей. Она вызывает какую-то деловитость: ты еще не пьян, но уже полагаешь, что занят серьезным делом. На третьей кружке язык чувствует терпкость напитка, его ядреность, которой вначале не замечал. На четвертой разговор приобретает дина-

мизм и остроту, наступают свободные переходы от одной темы к другой. И только после пятой и шестой можно объективно оценить все достоинства этого поила: его сладость, его душистость, его свежесть и родниковую прозрачность...

– С ума сошел? У меня завтра диплом.

– По три кружечки. Мне завтра тоже надо быть в форме: меня ждут в МИДе на собеседование.

С каким важным видом он это всегда произносит: МИД, собеседование, «милашка Бурбулис», «мне о них кое-что известно»... Будто не его папочка или мамочка, работающие бог знает где, пристроили своего сыночка в этот сраный МИД каким-то сраным референтом.

– По три кружечки, – поддержал Бутылкин. – Я завтра тоже начинаю новую жизнь. Пора кончать с этим разгильдяйством, приниматься за дело...

Ну, не кретины? Хоть не подонки, но кретины уж точно. И его за кретина принимают.

– Вам известно, что мое слово твердо, – сказал Вадик. – Вам также известно, что мне известно, что значит «гулять» и что значит «работать». И потом, всем известны ваши «три кружечки»...

– Здесь главное – вовремя остановиться, – разглагольствовал Моталкин, вытирая залитый стол газетой и расставляя кружки. – Либо у тебя есть сила воли и ты, выпив норму, с достоинством удаляешься по своим делам, либо ее у тебя нет, и тогда ты, как свинтус, остаешься лежать мордой в салате. То есть ты, зрелый и независимый человек, бросаешь вызов судьбе. Конечно, тут можно крупно проиграться. Но разве настоящего мужчину не захватывает больше сам процесс игры, нежели ее результат?.. Суки, да что ж они порошка столько сыплют!..

Услышав слова «настоящий мужчина», Вадик возненавидел его еще больше. Для этого были причины: два года возвышенной и безрезультатной любви к Олечке Шестиковой привели его к подозрению, что он ненастоящий мужчина. Это вызвало разрушительной силы взрыв в его мозгу, а также интерес к психоанализу. Особенно занимал Вадика вопрос: отчего это в жизни все так отлично получается именно у таких кретинов, как Моталкин?

– А у тебя, Таракан, есть воля? – спросил Моталкин.

«Есть ли у меня воля?» – подумал Вадик. У него железная воля. Он волочит ее за собой как кандалы, с грохотом и лязгом, в то время как другие скользят по жизни легко и бесшумно. Когда он дал себе зарок больше никогда не встречаться с Ольгой (это случилось сразу после того достопамятного взрыва), он с горечью понял, что его железная воля никогда не позволит ему нарушить обет. Это вносило трагический оттенок в его жизнь. Однако здесь его воля сыграла над ним злую шутку: ангельский лик этого демона в юбке, вместо того чтобы вежливо испариться из его памяти, стал преследовать его во сне, наяву и в галлюцинациях, превратив высокую трагедию в фарс. Сейчас Вадик чувствовал, что уподобился застрявшему на орбите искусственному спутнику Земли, у которого не хватает пороха вернуться к месту старта, но и в космос улететь тоже слабо.

– Знаешь, я тебе ужасно завидую, Таракан, – сказал Моталкин, когда его напарник ушел к автоматам за новой дозой. – У тебя ведь все просто в жизни. Не то что у меня. Знаешь, мне иногда кажется, что кое-кто меня недолюбливает...

«Если б ты знал, как я тебя ненавижу, козел!» – едва не вырвалось у Вадика.

– Я понимаю, что это все ущербные, завистливые ублюдки, маньяки, которых бесит, что у меня приличные родители, что меня любят женщины, что у меня куча связей и нет проблем с работой... Ты скажешь: положи на них член и забудь... Спасибо, Толян, твое здоровье, Тараканша... Но за что? Что я им сделал? Ведь я, в сущности, безобиднейший парень, можно сказать, агнец божий...

«Все бараны в детстве были агнцами!» – вскричал про себя Вадик.

– И знаешь, Таракан, ты единственный стоящий человек среди этого сброда. Ты да Толян. В тебе нет зависти и подлости, нет этих камней за пазухой. И я рад, что ты тут и пьешь пиво с нами... Дай обниму тебя за это! Ты свой в доску!

«Еще бы, для вас нет большего кайфа, чем заполнить меня в свою компанию, – думал Вадик, с отвращением позволяя ему прижиматься к своей щеке. Ему не понравилось замечание об ущербных ублюдках. – Подонки тащат в свою подонскую компанию, кретины – в крестинскую. Какое счастье – везде быть своим!»

– И все же я до конца не могу тебя раскусить. Ты не похож на всех нас. У тебя всегда такой вид, будто решаешь какую-то головоломку: мысли по лицу так и скачут галопом. Ты даже пиво пьешь как-то задумчиво, вот как теперь. Почему ты не рассказываешь друзьям о своих делах, о своих проблемах?

Что тут рассказывать? О том, как барахтаешься в трясине? Полгода назад, начитавшись Ницше, Фрейда и Фромма, написал заметку в «Психиатрические известия». Главного героя, правду сказать, списал с самого себя. Заметку обругали, но взамен предложили написать о тяжелых условиях работы медперсонала в дурдомах. С тех пор помаленечку тянул ляжку в этой «подтирашке», памятуя о предстоящем распределении. И, быть может, будет тянуть всю жизнь, воспевая целительный эффект холодного душа и смиренных рубашек. Если только, конечно, не удивит мир каким-нибудь великим открытием, не создаст чего-то замечательно глубокого и правдивого...

Кстати, завтра у него будет такой шанс. Глотая пиво, он начал думать о своей дипломной работе. В ней он попытался собрать в кучу все свои мысли, мучившие его в последнее время, жизненные наблюдения, которые не терпелось довести до сведения всех живущих. Быть может, завтра судьба готовит день его триумфа...

– Твоя очередь брать пиво, – сказал Бутылкин.

Вадик пошарил в карманах и собрал кружки.

Когда он вернулся, оба кореша вальяжно затягивались сигаретами и строили друг другу дурацкие гримасы.

– Хрен тебя знает, Таракан, – продолжал Моталкин, словно и не прерывал разговор, – может, ты еще перевернешь мир какой-нибудь классной феней или примочкой, сочинишь комедию или там анекдот... Вот обхохочемся! В общем, я верю в тебя. Вот мы с Толяном – пьянчуги и пустомели – уж точно никому не нужны...

Не скажешь, чтобы он был полный кретин. В конце концов, кретины тоже заслуживают внимания и анализа, возможно, даже сочувствия... Если ты, конечно, профессионал. То есть это означает – относиться к патологическим субъектам как к рабочему материалу, как к подопытным кроликам, собакам, крысам, свиньям, козлам, дятлам, скотам несчастным... Как к несчастным тварям, которые нуждаются в твоей помощи. И еще. Если ты профессионал, то придется признать, что в твоих отношениях с этим типом слишком большую роль играет эта история с Ольгой. Это не делает чести. Не надо выставлять себя мазохистствующим неврастеником, пора стать взрослым человеком и постараться найти в нем тоже что-нибудь... человеческое.

– Вот тогда я и понял, что я конченный кретин! – разорвался Моталкин. – Дебил! Урод паршивый! Я пошел к папочке с мамочкой и спросил: «Что ж вы, дорогие мои, сыночка себе таким уродом вырастили? Лучше б я родился тарака... тьфу, то есть, допустим, сороконожкой, и думал бы всю жизнь о чем-нибудь умном, как Вадик Тараканов, чем так мучиться...»

В принципе, и с такими тоже можно найти взаимопонимание. Он пытается казаться искренним. В сущности, нормальный парнишка, не слишком умный, конечно, но такие как раз нравятся женщинам... Черт, дались эти женщины!

Пиво, кстати, сегодня было не самое плохое. Нормальное, в сущности, пиво. Он так и сообщил об этом во всеуслышание (пожалуй, даже слишком громко, потому что за оживлен-

ными соседними столиками воцарилась гробовая тишина, а какой-то синяк из дальних рядов горячо отсалютовал ему кружкой). Приятели его тоже поддержали.

– Просто замечательное пиво. Я рад, Таракан, что ты разбираешься.

– Редкое по своим вкусовым и витаминным качествам, – добавил Бутылкин.

– Я вам так скажу, мужики, – вмешался какой-то старикан подозрительного вида, ошившийся рядом. – Такого пива я уже не пил... вот не совру, по совести скажу... я всегда с людьми по совести, потому и они со мной по совести, всегда, да... так вот, лет двадцать я не пил такого пива!.. На кружечку скинетесь, а?..

– Уйди, мужик, по-хорошему прошу, – процедил Бутылкин. – Ты меня еще вчера достал, попрошайка. Про три кружечки уже никто не вспоминал. Под конец, кажется, после седьмой или восьмой кружки, Вадик совсем расчувствовался и даже попытался достать свой диплом и зачитать вслух пару особо ударных страниц, но Моталкин торжественно прервал:

– Старина, чтоб наша дружба сияла в веках, предлагаю нам всем вместе...

– Выпить на брудершафт, – подсказал Вадик, замахнувшись кружкой.

– Нет! Снять баб!..

«При чем тут бабы?» – подумал он. Дались ему эти бабы.

– Берем телок, идем к тебе на хату и устраиваем оргию, – сказал Моталкин.

Начиная с первого курса Вадик работал дворником в ДЭЗе, рядом с факультетом, и законно пользовался комнатой в дряхлом трущобном доме, населенном такими же закоренелыми дворниками. Вот уже год, как он перестал выходить на работу, но выселить его все никак не удавалось, так как он счастливо избегал встреч с начальником ДЭЗа.

– Я пас, – ответил он. – У меня кое-какие планы на сегодняшний вечер.

– Хорошо. – Моталкин сделал задумчивое лицо. – Тогда так: мы с Толяном снимаем баб, а ты – чтоб наша дружба сияла в веках – ведешь нас к себе на хату. А сам едешь к мамочке в Перловку...

«Эх, и набил бы я тебе морду, скотина!» – мысленно заорал Вадик. Дружба, сияющая в веках, – аргумент железный и поэтому подлый. Как он это умеет, мерзавец...

Моталкин быстро исчез в дальних столиках и через минуту появился с двумя пьяными страхолюдями. У одной не хватало передних зубов. Вадик от души пожелал ей достаться этому сияющему в веках крестину.

Потом они вылезли наружу, зашли в «Центральный», где набрали две сумки вина, и пошли к Вадику домой по теплому вечернему асфальту.

– А где твоя баба? – спросила одна из подруг, усаживаясь на его подоконник у настезь открытого окна.

– Мне нельзя, у меня курсовая, – сказал хмуро Вадик.

– Диссертация, – подсказал Моталкин.

– Диплом, – уточнил Бутылкин.

За окном стоял прекрасный, теплый летний вечер. «Что я тут делаю? – думал он. – И что тут делают эти кретины?» Он налил себе вина. Было очень плохо.

Он знал за собой это умение – оказываться в ложный момент в ненужном месте. Главное, и это самое ужасное, он чувствовал, что почти все, что он делает, ненужно.

Он часто задавал себе такие вопросы. Он знал за собой это умение – оказываться в ложный момент в ненужном месте. Главное, и это самое ужасное, он чувствовал, что почти все, что он делает, ненужно. Эти походы в «Яму», эти разглагольствования по душам, эти сопли вокруг диплома, эти дурацкие экзамены, дурацкая работа в дурацкой газете... Потому что всегда кончалось тем, что кто-то старался его использовать. «Нам с вами нужна только пятерка!» Это ей нужна только пятерка, чтобы заработать на нем лишнюю сотню. Пачка сигарет, ха-ха.

А ему, может, и не нужна пятерка! Ему бы спрятаться в какую-нибудь «болдинскую осень» или, допустим, лето, в какую-нибудь дыру, наедине со своими мыслями, где бы ни одна сволочь не могла бы его найти и назначить церемониймейстером. Или совестью курса. Или символом эпохи. Однако тиранические узы общества безжалостно затягивают его в свои глупые и ненужные манипуляции, заставляя дрыгаться, как марионетку, в чьих-то гнусных целях.

Он налил еще вина.

– Я что-то не пойму, – сказала одна из подруг, – что тут делает этот мудила?

– Эй, Таракашка, – сказала другая, – тебе к мамочке не пора?

Он допил вино.

– Не называй меня Таракашкой, – сказал он. – И сороконожкой не называй, и козявкой...

– Вадюн, ты чего? – Моталкин сзади обнял его за плечи.

Вадик обернулся и залепил ему в глаз со всей силы. Тот упал на кровать. «Удачно я вспомнил про сороконожку, – подумал Вадик. – Поймал-таки на слове». В душе было не то чтобы ликование, но чувство глубокого удовлетворения, словно от сознания исполненного долга... перед кем? Надо будет обдумать.

– Ах ты, фашист недобитый, – сказала та, что обозвала его таракашкой, и швырнула в него бутылкой.

Он снял со стены полку с посудой и бросил сразу в обеих. Потом выдвинул стол, перевернул на попа и адресовал его сразу всем. Потом попытался выкинуть обеих девок из окна. Тут, правда Фортуна ему изменила: в ближнем бою дамы, прошедшие суровую выучку в «Яме», всыпали ему по первое число – таскали его за волосы и пинали, как футбол, по всей комнате. Все-таки чувство правоты, двигавшее им, победило, и он загнал всех под кровать.

Последнее, что он помнил, – то, как подобрал дипломат, пожелал всем приятно провести вечер и вышел на лестничную площадку, где вежливо поздоровался с группой милиционеров, мчавшихся снизу...

Он пришел в себя оттого, что кто-то бубнил невдалеке: «...Деградация функциональных свойств и бесплодию культур рекомендуется успешно противодействовать путем многократных манипуляций...»

Страшная догадка вспышкой пронзила его затуманенный мозг: он на кафедре, и ему сейчас выступать!

Его слегка озадачило, как это он умудрился из своей дворницкой квартиры со шлюхами очутиться сразу на кафедре. Он поспешил поправить галстук, но почему-то не сумел выполнить этого простого движения и разлепил глаза. Он обнаружил себя лежащим на железной койке с привязанными к раме руками, и к тому же в одних трусах. А вспышкой оказалась яркая желтая лампа, светившая прямо в глаза. С хрустом повернув шею, Вадик увидел ряды коек, на которых в трагических позах валялись раздетые тела. Все это смахивало не на кафедру, а на морг.

«Но мертвецов не привязывают к койкам!» – решил он и завопил. Открылась дверь, и возник довольный мордоворот в милицейской фуражке. «Нет, не кафедра», – понял Вадик. Он сказал:

– Начальник, пусти в сортир!

– Драться больше не будешь? – спросил мордоворот и развязал ремни.

По дороге к «очку» в его голове выстроилась версия: мирная встреча с милицией была просто бредом, в реальности все было намного хуже. Мент, ожидавший за спиной, проводил его к стойке, за которой сидели майор и медсестра.

– Гражданин Тараканов? – просопел майор. – Получите вещи и оплатите за сервис.

Ему передали одежду, документы, деньги. Мордоворот-дежурный последними протянул дипломат и обе дипломные работы с глубокомысленным замечанием:

– Недурно, гражданин Тараканов... Ваша вещица про шизиков и психов мне больше понравилась, чем сочинение гражданина Мухрышкина. Вместе пили?

– Рад, что вы остались довольны, – буркнул Вадик.

Он вдруг представил, как сержант с медсестрой всю ночь напролет зачитывались его дипломом, подобно Григоровичу с Некрасовым, когда те, обливаясь слезами, читали друг другу первый шедевр Достоевского, а потом помчались лобызаться, кажется, к Тургеневу...

– Побольше б нам таких интеллигентных клиентов, – сказала медсестра. – Если б еще вел себя приличней...

– Где тут ближайшая станция метро? – спросил Вадик.

– Ну, брат, чего нет, того нет, – развел руками майор.

– Ты где ж ты думаешь ты есть? – спросил сержант. – Ты есть в Загорске.

Так. Версия меняется. Значит, он все-таки попал на электричку, но проехал свою станцию.

Он взглянул в зеркало. Бросались в глаза глубокие красные царапины по всей правой щеке – следы когтей гарпий. Пересчитал деньги, оставшиеся от уплаты штрафа. Хватит на электричку и на цветы Муре Аполлоновне. Дудки, цветы он подарит Ольге: будет хороший повод объясниться напоследок. Сегодня или никогда...

– Заходите, всегда рады обслужить! – сострила медсестра вдогонку.

«И так всегда, – мрачно размышлял Вадик, прижавшись лбом к грязному стеклу электрички. – С адскими усилиями пробиваешься в университет, надеешься обрести там братьев по разуму – вместо этого пять лет качаешь права с подонками и кретинами. Посвящаешь любимой женщине лучшие порывы души – и видишь только ограниченность и непонимание. Пытаешься, наконец, красиво вылезти из этого дерьма, рождаешь с муками нечто фундаментальное, достойное... твоего высокого предназначения... Чтобы, оценив твой труд, все поняли наконец, с кем имели дело... И попадаешь в вырезатель. И вместо радости и чувства полета жизнь приносит только страдания и боль...»

Именно боль. Страшную головную боль, и мутит к тому же.

– Я жду вас с нетерпением уже пятьдесят минут, – говорил профессор Оловянный, раздраженно пощипывая бородку. – Защита начинается через десять минут. Что вы имеете мне сообщить?

Кошмар, подумал Вадик: он забыл придумать отмазку!

– Случилась большая неприятность, – он сделал удрученный вид. – Вчера ночью мне внезапно пришлось уехать в Загорск.

– Странная причуда накануне защиты.

– ...К знакомой медсестре. У нее большая неприятность... она попала в вырезатель.

– И расцарапала вам лицо...

– Да... то есть нет, лицо мне расцарапали только что, в электричке. Но, видно, внесли инфекцию, у меня поднялась температура, и я всю ночь не сомкнул глаз...

– Ухаживая за пьяной медсестрой, которая попала в вырезатель...

– Да.

Чтоб ты сдох, подумал он.

– Где ваш диплом? – спросил профессор. – Да не наклоняйтесь так близко, фу...

Кошмар, подумал Вадик: он выдает себя с головой!

– Видите ли, – удрученно продолжал он. – Дело в том, что второй экземпляр у меня не вполне готов...

– К черту второй экземпляр, давайте первый! – взорвался Оловянный.

Вадик грустно посмотрел себе под ноги.

– Э-э. Видите ли, дело в том, что и первый... он тоже не вполне...

Ему показалось, что Оловянный вот-вот сделает что-нибудь страшное со своей бородой. Пока тот готовился произнести нечто уничтожительное, он опередил:

– Но диплом в порядке, не переживайте, нужно только пронумеровать страницы, скрепить листы, внести исправления... и бог с ним, с титулом...

Профессор с минуту сверлил его взглядом. Потом сказал:

– У вас пять минут. Делайте что хотите.

Спускаясь по лестнице в библиотеку, где можно было спокойно поработать, Вадик решил, что не будет вносить никаких исправлений. А если придерутся, то заявит, что не согласен с ними. В конце концов, это право автора.

Связать страницы ленточкой оказалось не таким простым делом. Листы, специально купленные им вместе с обложкой для дипломной работы, кроме ленточки, были снабжены также дырочками для последней. Но в его работу входило еще объемистое приложение с выдержками из первоисточников и комментариями, а также длинная библиография: все это было напечатано заранее, на другой бумаге, и, соответственно, без дырочек. Теперь, перед самой защитой, он столкнулся с необходимостью продырявить около сорока страниц текста.

Для начала он воспользовался дыроколом. Но через несколько страниц убедился, что дырокол вместо положенных трех дырочек на полях делает только две. Он стал дублировать удар дырокола на каждой странице, но теперь дырочек становилось четыре, и он начал в них путаться. Наконец, он догадался класть бумагу под углом, на один «зуб» дырокола, и теперь получалось три дырочки, но, закончив работу и сравнив с другими листами, он нашел, что расстояние между дырочками его производства и, так сказать, заводскими не совсем одинаково. Почти, но не совсем.

Тогда он взял ножницы и проковырял отверстия, сделав их пошире. Тем не менее ленточка не хотела продеваться сквозь стопку из ста двадцати страниц, и ему пришлось нанизывать страницы по отдельности. Дело продвигалось долго и утомительно, и когда он наконец продел ленточку через первую дырочку в стопке, на часах была уже половина первого. «Бог с ним, – подумал он. – Мура еще не пришла, а без нее защита все равно не начнется». Он принялся за следующую дырочку, но не дойдя и до половины, чуть не разрыдался от злобы и отчаяния: продетый конец ленточки незаметно покинул первую дырочку. Его это просто подкосило.

Он схватил ножницы, насадил на острие конец ленточки и одним ударом вогнал острие вместе с ленточкой во вторую дырочку посередине края страницы. Ленточка прошла, но дырочка от этого значительно увеличилась в размерах, став попросту дырой. Он понял, что дальнейшее прободение дырочек и продевание в них ленточки несовместимо с его сегодняшними планами по защите диплома, и остановился на достигнутом. Он туго связал стопку лентой в несколько узелков и увенчал все это изящным бантом.

Оглядев работу, он обнаружил новую напасть: листы разного происхождения (те, что с дырочками, и те, что без дырочек), оказывается, были еще и разного формата. Таким образом, приложения с комментариями предательски выглядывали из-под основного текста, преждевременно намекая на свое существование. Рука сама потянулась к ножницам. Он аккуратно принялся отрезать лишние края. Руки дрожали от похмелья, волнения и спешки. Получилось, в общем, не так худо, как он ожидал, не считая того, что ножницы кое-где залезли в текст.

Он полюбовался творением рук своих. С искромсанными краями, с листами, сбившимися веером и болтающимися на ленточке в дыре с трехкопеечную монету, его диплом походил больше на вилочку капусты. «Вот ваше лицо, гражданин Тараканов, – подумал он. – Ничего общего с лицом коллеги Мухрышкина».

Решив, что дальнейшие украшения излишни, он схватил диплом и выбежал из библиотеки. И столкнулся в дверях с Костей Доилкиным.

Костик был дворник и его сосед по дворничьей квартире. Война с ленточками и дырочками вконец измотала Вадика, и он с облегчением взял таймаут, чтобы выслушать взволнованный Костин рассказ о вчерашнем происшествии в их доме.

Оказалось, прошедшей ночью вся дворничья колония была поднята на ноги страшным грохотом и нечеловеческими криками, которых еще не знал даже этот выдавший виды дом. Однако милицию вызвали не дворники, а жильцы из дома напротив. Того самого, мемориальные доски которого напыщенно оповещали всех прохожих, что всевозможные шишки и бонзы жили, живы и еще долго будут жить в этом номенклатурном заповеднике. Скромное веселье простых дворников, донесшееся через улицу, видимо, вызвало там приступ классовой ненависти. Примчавшийся наряд милиции арестовал обе парочки в таракановской квартире, а старший группы пообещал «разогнать этот гадюшник вместе со всеми говночистами» и заодно дать по шапке начальнику ДЭЗа. Настоящий фурор среди публики вызвало появление одного из арестованных с перекошенной от лиловой опухоли физиономией – его и признали зачинщиком безобразий... Тот еще кричал на весь подъезд: «Я тут ни при чем, ни при чем!»

«Как же, ни при чем, – злорадно подумал Вадик. – А кто на лекциях всегда нашептывал ей на ушко... небось, всякие гадости».

Из всего рассказанного Вадик извлек две вещи: что, во-первых, Моталкин не попал сегодня в МИД на собеседование, а во-вторых, что ему, Вадиду, не следует встречаться с начальником ДЭЗа больше никогда в жизни...

Оставалось еще одно важное дело. У знакомой девчонки он попросил духи и ментоловые таблетки. – Есть еще мятная резинка, – ответила она.

Он вылил на голову полфлакона духов и запихал в рот пригоршню таблеток и жевательных резинок. Потом приложил ко рту ладонь лодочкой, выдохнул и тут же втянул носом. Вроде не пахнет. Так, может, слабый запах. Надо дышать в сторону. Был час ровно, когда он прибежал на кафедру. В последний момент вспомнил, что не пронумеровал страницы, но было поздно.

Оловянный его не узнал.

– Что это? – недоуменно уставился он на протянутый ему «капустный кочан». Потом скривился: – Ах, это вы... Ваша защита снята. Где вы были целый час?

Вадик принялся объяснять, но сзади зашикали: какая-то девица у стола начала свою защиту. Председатель комиссии громко попросила удалиться посторонних.

Он растерянно вышел за дверь и похолодел: по коридору торпедой летела Мура Аполлоновна Свирипеева, размахивая сумочкой и цветами. Настроение у нее было праздничное и приподнятое.

– Ну, как наши дела? – радостно окликнула она его.

– Посмотрите только, чего они там отчебучивают, – сварливо ответил Вадик. – Просто бардак какой-то!..

Она грозно отодвинула его плечом и вошла на кафедру.

Через минуту вернулась чернее тучи. Вадик со страхом подумал, что настал момент ответить тяжесть ее кулака.

– Будьте добры ответить мне на несколько вопросов, молодой человек, – зловеще начала она. – Почему вчера вечером я так и не дождалась вашего звонка с докладом о проделанной работе? Это во-первых... Не вертите головой, смотрите мне в глаза! Во-вторых, почему вы не изволили явиться в одиннадцать ноль-ноль к оппоненту, заставив ждать уважаемого профессора пятьдесят минут? Не смейте отворачиваться, я вам говорю! В-третьих, почему вы не внесли мои исправления в дипломную работу, в-четвертых, почему ваша дипломная работа в таком вызывающе свинском виде, в-пятых, почему вы сами в таком вызывающе свинском виде?! Да перестаньте вертеться, перестаньте надувать щеки и выпучивать так глаза! И наконец, в-шестых, почему от вас за версту несет, как из пивной бочки?!

Вадик с шумом выпустил воздух. Он чуть не потерял сознание от долгой задержки дыхания.

– В общем, так... – Мура Аполлоновна с лихорадочным усилием пыталась овладеть собой. – За то, что вы злоупотребили моим доверием... Унизили, опозорили меня перед комиссией, перед кафедрой, перед всем факультетом... Просто, можно сказать, наплевали в душу! За это я навсегда порываю с вами отношения, слагаю с себя обязанности научного руководителя и... и... Диплом придется защищать осенью.

Свинство, конечно, с ее стороны, подумал он. Планы на лето и осень летят коту под хвост. Да и на работу не возьмут без диплома.

Дверь кафедры отворилась, и в коридор вышла председатель комиссии – невзрачная очкастая женщина с нервным лицом. («Истеричка», – отметил Вадик.)

– Мура Аполлоновна, что же вы не сказали, что это ваш студент? – спросила она. – Мы все уладили, через пять минут ваша защита.

– Благодарю, мы сегодня себя неважно чувствуем и переносим защиту на осень, – холодно возразила Свирипеева.

– Да, но... Мура, комиссия уже смирилась, и оппонента уговорили... Может, разделаемся по-быстрому с этой историей?

– Ни в коем случае! Я твердо обещала этому молодому человеку... с этой бесстыжей, наглой физиономией, что он диплома не увидит, как своих ушей. И вообще, мне на него глубоко наплевать!

– Начинаем обсуждение дипломной работы выпускника Тараканова Вадима Васильевича на тему... – монотонно объявила председатель комиссии, – на тему...

Она суетливо сняла очки и уткнулась носом прямо в стол.

– ...На тему «Непримиримая критика бытового идиотизма и других форм мозговых патологий».

Вадик поправил галстук, придавил рукой торчащие в разные стороны вихры и встал. После всей этой нервозности, сегодняшней и особенно вчерашней, он чувствовал себя в предобморочном состоянии. Дрожали руки и ноги, слегка покачивало и сильно поташнивало. «Собери волю в кулак! – сказал он себе. – Не упусти свой звездный час». Он гордо задрал вверх белое, как бумага, лицо, направил на присутствующих свой тусклый и слезящийся взгляд и патетически произнес:

– Глубокоуважаемая комиссия! На тернистом пути непрерывного строительства новой жизни перед нашим обществом встают злокозненные преграды политического, экономического, идеологического и просто патологического характера. Благородным задачам перевоплощения в правовое государство, проникновения в мировое сообщество и популяризации общечеловеческих ценностей сильно мешают распространенные в обществе гнусность, подлость, скотство и тупость. Что вредно сказывается на продвижении наших реформ. Однако проведенное мною фундаментальное исследование неопровержимо доказало, что все вышеперечисленные проблемы суть бытовые проявления скрытых форм идиотизма, а также некоторых психических дефектов, усвоенных населением в результате длительного и бездарного манипулирования ложными идеями, имевшими хождение на территории данного государства.

Предметом моего исследования явились жизнедеятельные индивиды, взятые в их конкретной, естественной среде, так сказать, в родной стихии. Таковыми оказались: переходы метро, очереди за винно-водочными изделиями, э-э... вытрезвители, редакции газет и высшие учебные заведения, например, то, в котором мы с вами сейчас находимся. Какая же картина предстает нашим глазам?

Пример первый. Задумывались ли присутствующие, часто посещающие метрополитен, отчего это эскалаторы всегда отключают на ремонт именно в часы пик? Или отчего в эти же

часы на самом многолюдном выходе закрытыми оказываются все двери, кроме одной, самой паршивой и захудалой? Или если даже рядом по недоразумению открылся другой выход, наблюдаемые субъекты, как бараны, ломятся в самый неудобный проход, давя, топчя и опрокидывая конкурентов, словно пытаются друг другу этим что-то доказать. И это вместо того, чтобы свободно самоорганизоваться в людском потоке, рационально вычислить каждому оптимальную траекторию сообразно положению своего тела относительно окружающих, сообразно своей комплекции, наклонностям, темпераменту и нравственным принципам! Также никому не придет в голову с достоинством призвать сотрудников метрополитена к надлежащему исполнению их обязанностей. При этом на месте дежурного по эскалатору непременно окажется какой-нибудь кретин, который с занудством заезженной пластинки уговаривает взрослых не ругаться матом и крепче держать за руку грудных младенцев, вместо того чтобы включить дополнительный эскалатор. Почему никто из участников движения не попросит его хотя бы заткнуть патефон, чтоб не так тошно было? Перед нами характерный пример господства в умах ложных идей, а также моральной неопрятности и душевной лени.

Пример второй: очереди за вином. Почему субъекты, объединенные общей идеей, стоят в ожидании по нескольку часов, однако у цели всегда оказываются совершенно посторонние лица, не имеющие ничего общего с упомянутой социальной группой? Если же на другой день данная группа дает клятву дать отпор нарушителям общественного договора и предпринимает для этого необходимые маневры, в результате опять у цели возникают те же самые лица. Тогда правительство издает специальное постановление, проникающее во все клетки и ячейки общества, силы порядка проводят надлежащие мероприятия, передовая общественность выражает солидарность и шлет всем привет – но опять мы видим у прилавка все те же лица! И так во всем: какие бы цели ни ставило перед собой общество, какие бы лозунги ни трепетали рядом с символами государства – на раздаче всегда будут одни и те же рожи!

Живость нарисованных картин окончательно увлекла его воображение. Он уже обращался не к нескольким слушателям в маленькой душной комнатке, а как бы ко всему многомиллионному, страдающему в заблуждениях народу, упоенно внимавшему своему пророку. Он нашарил рукой графин с водой, но стакана не оказалось: то ли забыли поставить, то ли свистнул предыдущий оратор.

– К сожалению, – продолжал он, – те же примеры иррационального, хаотического мышления мы наблюдаем и на более высоком общественном уровне. Кто сегодня громче всех призывает со всех трибун к переменам? Кто нынче разрабатывает и преподает в вузах теорию и практику нового мышления? Ответ: те же, кто сделал карьеру, воспевая старые бредни. Но не это привлекает внимание социального психолога (или, если будет угодно, психосоциолога) – эти типы всегда будут на раздаче в первых рядах. Удивляет то, что никого это не удивляет! Будто так и надо. Зато сколько нынче находится субъектов, странно молчаливых в так называемые застойные времена, которые как бы в компенсацию за прежнюю апатию и в целях демонстрации живости своего темперамента теперь становятся апологетами решительных мер и резких поступков. Именно с их легкой руки сегодня льется кровь там, где можно было бы свободно самоорганизоваться и вычислить оптимальную траекторию для всех и все такое. Таким образом, мы наблюдаем удручающее зрелище всеобщего отупения и озверения.

Спешу упредить модный тезис о том, что, мол, до таких напастей нас довела Система, или же темные, зловещие силы, за долгие десятилетия договорившиеся между собой истребить все доброе и светлое на нашей земле. Но замечу, что Система не прилетела к нам с чужой планеты, а была вскормлена и взлелеяна в родном, что называется, коллективе. Это косвенно подтверждает и тот факт, что самые мерзкие и гнусные преступления были совершены поколениями, которые родились и воспитывались в столь ностальгически вспоминаемые нами времена, в дореволюционный «золотой век». Наконец, идея внешних сил отбрасывается примерами из низшей социальной практики, где темные силы у всех на глазах, никого не стесняясь, выле-

зают из душевных глубин каждого отдельного индивида. В самом деле, о чем рассуждать, если одна часть общества не научилась по-человечески пользоваться метрополитеном, а другая – по-человечески там работать?

Перехожу к выводам. Проведенное исследование позволило сделать замечательное открытие: повседневные реакции рядовых индивидов абсолютно идентичны реакциям лиц с болезненными отклонениями нервной системы и психики, а также реакциям подростков в их юношеский переходный возраст. Таким образом, на месте привычных и знакомых лиц просвещенных сограждан мы лицезрим разноцветный парад неврастеников, шизофреников, психопатов, истериков, параноиков и маньяков – лиц, еще не научившихся управлять своими разрушительными и инфантильными влечениями. В такой ситуации со стороны мирового сообщества лучшим жестом доброй воли стала бы не отправка гуманитарной похлебки, а приезд армии психоаналитиков...

Не в силах более терпеть жажду, он схватил графин за горлышко и с громким бульканьем отхлебнул глоток.

– Такова вкратце суть моих изысканий. Подробное описание психологических типов и возможные меры по их исцелению даны в дипломной работе, представленной на ваш высокий суд.

Вдруг он заметил, что его не слушают. Председатель комиссии о чем-то спорила с Мурой, остальные члены, уставшие за день, собирали вещи, а оппонент откровенно клевал носом. Когда речь оборвалась, председатель, оглушенная тишиной, засуетилась:

– Так, все... Слово предоставляется оппоненту. Рэм Григорьевич?

Оловянный встрепенулся, словно хотел спросить: «Где я?», и подавил непрошенный зевок. Потом с отвращением взглянул на Вадика.

– Гм... С большим интересом ознакомился я с дипломной работой... гм, м-да, этого молодого человека. Особо хотелось бы отметить, – Оловянный открыл папку наугад и пробежал глазами страницу, – главу о дебилах. Будьте любезны ответить, на чем основан... м-м, вот, скажем, следующий любопытный пассаж: «... Индивид в стадии начальной дебильности может являться активным членом общества и выполнять социально полезные функции»? Вы в этом уверены?

– Так утверждает наука, – важно ответил Вадик.

– Ага! – вскричал вдруг Оловянный и пришел в необычайное возбуждение. – Значит ли это, что вышеупомянутый индивид может – хотя бы чисто гипотетически! – каким-то чудом пробраться в высшее учебное заведение, окончить его и даже защитить научную работу?! А? Отвечайте, я вас спрашиваю!

– Скажу больше, – ответил Вадик с холодком. – Многие проделывали это на моих глазах. Мало того, подобные индивиды, отучившись, могут даже успешно преподавать, передавая накопленные знания и опыт другим дебилам...

Оловянный скрипнул зубами на всю кафедру, словно хотел перемолоть кого-то в порошок.

– Ах, вот как! Благодарю, у меня больше нет вопросов к уважаемому коллеге. – Он бросил испепеляющий взгляд в адрес коллеги и обернулся к комиссии. – Уважаемая комиссия! Мне остается только поздравить дорогую Муру Аполлоновну с таким замечательным питомцем (уничтожающий взгляд в адрес питомца). Уверен, что ему достанется подобающее место в нашем обществе и мы еще не раз о нем услышим. Что касается защиты, то, признаюсь, я получил незабываемые впечатления от его сегодняшнего выступления. Еще не приходилось мне встречать более усердного и добросовестного студента (убийственный взгляд в сторону студента). Нет сомнения, что этот... (брезгливый жест в ту же сторону) юный оратор достоин самой справедливой оценки, и вы, дорогие коллеги, воздадите ему по заслугам!

Пылая и дрожа от возбуждения, Оловянный уселся на место. Вадик почувствовал на себе тусклые, остекленевшие взгляды членов комиссии. «Сделай последнее усилие, – приказал он себе. – Спектакль еще не окончен».

– Дорогая комиссия, – произнес он срывающимся голосом. – Позвольте поблагодарить вас за исключительное внимание, с которым вы выслушали мое выступление. Также благодарю за конструктивную критику уважаемого оппонента (презрительная мина на лице оппонента).

В последний момент он вспомнил галантно-витиеватую фразу, которую приготовил специально для Муры Аполлоновны, что-то вроде «...и неоценимую помощь моего научного консультанта, чьей неизменной симпатией и самоотверженным участием я особо имею честь похвалиться». Однако, завершая фразу, его язык подвернулся и вместо «похвалиться» вывел «похмелиться».

– ...Особо имею честь похмелиться.

Он послал театральный жест в сторону Муры, и тут же его хватил паралич. Он замер с протянутой рукой и вытаращенными глазами, поняв, что слишком перенапряг свою волю.

Он вышел за дверь под сдавленные смешки, но когда дверь за ним захлопнулась, члены комиссии дали себе волю.

– Все в порядке? – осведомился один из его предшественников, кучкой поджидавших у двери своей участи. – Что там за крики?

– В мире был, и мир чрез него начал быть, – задумчиво ответил Вадик, – но мир его не познал...

Когда объявляли результаты, пунцовый Оловянный покинул кафедру, хлопнув дверью. Вадика назвали последним.

– Тараканов, ха-ха... – сказала председатель комиссии. – Отлично. С натяжкой.

Вадик захотел проявить великодушие и первым сделать шаг к примирению.

– Я же говорил, все будет великолепно. – Он попытался скроить Муре дружелюбную физиономию. Но почему-то вышла гаденькая ухмылка. Он немедленно выбежал с кафедры.

Выйдя во двор, Вадик принял решение выкинуть из головы диплом. Довольно с него разочарований. Здесь его не поймут, пора это признать. Он чувствовал себя опустошенным. В сущности, понял он, не это его гнетет весь день. Весь год, если быть точным. Ольга! Сегодня или никогда, вспомнил он.

Он спустился в метро. Долго выбирал розы. Выбрал самые красные, какие были. Огненно-красные. «Как жар моего сердца», – подумал он цинично. «Удачные я выбрал цветочки», – думал он, подходя к зданию факультета.

...Вот она медленно подходит. Какая-то грустная и посерьезневшая, какой он ее помнит весь прошедший год.

– Я ждал тебя, Ольга... Я ждал тебя целый год, чтобы сказать то, что сейчас собираюсь сказать. Впрочем, нам и не нужно ничего говорить, мы понимаем друг друга без слов. Я много думал все это время... Есть и твоя правота в том, что произошло между нами. Как мужчина, я готов все забыть и простить, чтобы расставанье наше прошло легко и светло. Ты... ты достойна большой и настоящей любви. Прими в ее знак эти прекрасные розы...

Его слова тихи и проникновенны. Она медленно отводит с лица прядь волос – таким знакомым движением... И устремляет на него прямой, открытый взгляд. И говорит:

– Сукин ты сын, Вадик. Будь ты мужик, ты бы год назад пришел ко мне и попросил прощения. Вместо этого ты целый год корчил из себя дурачка, а я-то, как последняя дура, бегала за тобой, подлавливала на лестницах и в курилках, подстраивала «случайные» встречи в буфете и в библиотеке, задевала ненароком сумкой в аудитории, знакомилась с твоими придурковатыми друзьями и знакомила с тобой своих подруг – и в ответ слышала одно гнусное, сопливое,

щенячье хамство! И после этого ты набираешься наглости, чтобы молоть этот вздор о любви и прощении! Засунь свои цветы себе в задницу!

Вадик зажмурился и стукнул себя по лбу. Он почти физически пережил этот бред. Ольга права: он вел себя позорно. Засунь себе в задницу...

Но с другой стороны, тут тоже не все просто. Задумывалась ли она, какие мысли его одолевали весь этот год, какая буря клокотала в его душе? Есть вещи, которые сильнее нас, которые подхватывают, как водоворот, и уносят за собой, словно щепку, возможно, прямо к гибели, засасывают в темный, бездонный омут... души. Да, омут души. Он нашел точный образ.

Сунув букет под мышку, он направился к памятнику в центре сквера. Кивнул знакомым ребятам на скамеечке, они развлекали девчонок-младшекурсниц и угощали их сигаретами.

Вадик устроился у памятника в тени, так, чтобы было удобно наблюдать за всеми входящими и выходящими с факультетского двора. Снял пиджак и распустил галстук. Букет на постамент. Тошнота вроде прошла, но голова болела дико.

Он глядел на великую тусовку, происходившую перед его глазами, – на всех этих студизусов, фланирующих, околачивающихся, протирающих зады на скамейках и парапетах, жизнерадостных и мизантропствующих, расфуфыренных и зачуханных, распустивших хвост и поджавших его, красивых, самодовольных и убогих, комплексующих, онанирующих, анализирующих и манипулирующих, строящих грандиозные планы на будущее и растоптавших их минувшей ночью, развеявших по ветру и проклявших все навеки, – глядел на эту факультетскую ярмарку тщеславия и вспоминал себя.

Как он мечтал на первом курсе, что будет вот также валяться весной на зеленом газончике, вон как те двое слева от него – она травинкой щекочет ему нос, он ноль внимания, и вдруг хватает ее и валит на спину, она визжит, как зарезанная, хохочет... Вон подгребает их приятель, падает рядом, достает книжки...

Но прошли годы, и он понял, что не так это просто – поваляться на газончике, во-первых, чаще всего просто не с кем поваляться, это главное, а потом, чаще всего просто хочется, чтоб тебя зарыли в этот газончик на полтора метра вглубь и холмик сровняли, не оставив ни следа, ни памяти. И вместо студенческих буколик тебя ждут длинные списки очередников в Кашенку, палаты которой, говорят, ломаются от твоих собратьев-однокашников, раньше тебя осознавших сложность жизни, но так и не сумевших в ней разобраться, либо попадаешь в «Яму», глубочайшую яму, из которой тоже непросто выбраться, вернее, ты попадаешь в нее снова и снова, пока тебе не выдают там постоянную прописку и вид на жительство.

– Все не так просто, Олечка, – говорит он, неловко шурша букетом за спиной. – Я все знаю, что ты скажешь, ведь я уже год веду эти дурацкие монологи-диалоги с тобой. И самое трудное – это сказать те единственные правдивые слова, которым поверили бы и ты, и я. Можно сказать – «прости», можно сказать – «я был неправ» (потому что ты была права всегда, потому что ты – женщина, а значит, права изначально, и если у меня что-то не получилось, то не надо тут юлить и винить кого-то, это мои личные проблемы, я знаю), можно также сказать – «давай начнем все сначала» или даже – «я тебя люблю» (нет, лучше не будем бросаться словами), но скажи мне ради бога, как все это сказать, чтобы этому поверили и ты, и я?! Как сбросить шелуху со слов, подобно любовникам, сбрасывающим одежды и остающимся один на один, одни во всем мире, и познающим истинную цену слов – как?! Я не знаю! Не знаю... И все же. Все же...

– Ты спрашиваешь меня, как нам сбросить одежду? – произносит она задумчиво. – А кто тебе сказал, что я ее собираюсь сбросить? Знаешь, я давно уже запуталась в твоих рассуждениях, давай ты мне потом все расскажешь поподробнее, а то меня девчонки ждут.

Она прощается прикосновением руки, складывает губы в улыбочку и уходит. Потом оборачивается, и в ее голосе звучат металлические нотки:

– А цветочки свои... Можешь засунуть их себе в задницу.

Он закрыл глаза. Все его разговоры с ней неизменно кончались тем, что он получал пощечину.

Причем в последнее время не только от нее. Ему все чаще доводилось вступать в мысленные дискуссии с окружающими, и его всерьез тревожило то, что почти каждый спор заканчивался звонкой оплеухой. И он ничего не мог с этим поделать.

Славка говорит, это симптомы шизофрении, а уж он-то спец в этих делах. Прочел всего Фрейда в «Горьковке», «Судебную психиатрию» Крафт-Эбинга и «Историю проституции» Ивана Блоха. Бедняга, на него это так страшно подействовало...

А что, если это комплекс вины? Загадочная природа этого мерзкого чувства всегда волновала Вадика. Похоже, оно возникало из-за трагического разлада между тем идеальным внутренним миром, в котором обитала Вадикова мысль, и окружающей действительностью, словно задавшей целью этот мир скомпрометировать и опаскудить. Все было предельно просто и понятно, пока он сидел одиноко в своей дворницкой каморке за письменным столом. Мелкие и дешевые мотивы знакомых ему людишек представляли перед ним во всей их глупости и подлости, во всей психологической простоте и рентгеновской ясности. Парад неврастеников и шизофреников, х-хе... Он видел их насквозь.

Но все становилось с ног на голову, когда он спускался в этот бранный мир. Спуск почти всегда происходил по одинаковой схеме: для начала, к примеру, надо хорошенько напиться, похерив срочные дела и обязанности, потом набить морду совсем не тому, кому следовало бы, и не за то, за что следовало, после чего можно, допустим, совершить небольшую экскурсию за город... После такой разминки – вернуться и, собрав вместе (чтоб не размениваться по мелочам) в одной комнате отнюдь не самых худших индивидов, вдоволь поиздеваться над всеми и получить за это высший академический балл. Цель достигнута: все в дерьме и тебя ненавидят. Ты же растерянно озираешься по сторонам, в новеньком галстуке, белоснежной рубашке и со свежемозжком комплексом...

В такие моменты к видению парада безумцев добавлялся новый штрих: он, собственной персоной, отворачиваясь и заслоняясь от телекамер, смущенно перебирал ногами где-то в задних рядах демонстрантов. Хуже того: внезапно, как по команде, его колонна раздваивалась и резко веером расходилась в стороны, оставляя его одного посреди площади. И теперь вся эта армия ненормальных придурков оказывалась на трибунах, наблюдая, как он в гордом одиночестве топчет брусчатку, мрачно размахивая знаменем цвета детского поноса, и на полотнище золотом вышито всего два слова, два его любимых эпитета... И все они, похоже, просто наслаждаются этим зрелищем, будто все было заказано и подстроено специально.

Неплохая мысль, приходило иногда ему в голову. Идея всеобщего заговора порой восхищает своей универсальностью. Прежде всего, она сразу многое объясняет. Все его неудачи становятся не такими обидными – если вспомнить, сколько народу напрягалось, чтобы подстроить ему ловушку. Даже страшное фиаско с Ольгой... Ведь она их агент. Ясно, почему ее выбрали. Его любой ценой хотят выбить из колеи, ударить лицом в грязь, заманить в западню, дискредитировать. Зачем? Его бояться. Кое-кому не по душе его острый ум, врожденное чувство справедливости и независимость. У НИХ такие не в почете – ИМ любы угодливые подхалимы, ловкие прощельги, кретины и подонки...

Вот почему он старался не доверять своему чувству вины (которое, признаться, одолевало его постоянно) – ведь ОНИ только и ждут, чтоб он расслабился, подставил свою ахиллесову пяту. Схема ситуации, если ее упростить, была такова: чем упорнее он отстаивал свою правоту, тем большую ярость и сопротивление это вызывало у НИХ (и тем больше ему приходилось страдать); если же он выходил победителем из очередной стычки с недругами, как сегодня, то все равно получалось не то, что он хотел, потому что страдали теперь другие, – иными словами, если страдал он, то это означало, с одной стороны, что ОНИ опять победили,

а с другой – что он все-таки прав; если же страдали другие, а он нет, то это означало, что он неправ, и, следовательно, ОНИ опять победили, и он опять страдал, и это приносило даже некоторое наслаждение... Сложная штука жизнь – придумал как-то он афоризм.

Именно поэтому приступ вины каждый раз сигнализировал об очередной ИХ атаке на него. Именно поэтому он вновь собирал силы и первым мысленно бросался в бой – чтобы не дать ИМ захватить его врасплох, не дать заподозрить о его сомнениях и о его чувстве вины. Именно в этот момент он мысленно и получал по роже.

– Привет, Вадюнчик, – услышал он рядом.

Только этого не хватало, подумал он. Опять это чучело.

– У тебя сегодня такой романтичный вид, – сказала Зойка Зябкина своим скрипучим голоском. – Как Чайльд-Гарольд, угрюмый, томный... бледный... поцарапанный... Боже, где тебя кошки драли?

Она хотела провести по его щеке веснушчатой рукой, но раздумала. Так всегда: пыталась компенсировать свою страшноту смелым флиртом, но смелости не хватало, и выходило глупо. Неудивительно, что такая крыса никому не нужна. Непонятно другое: отчего это неглупые девочки всегда такие страшные? Вадик, обычно прятавшийся от нее по всему факультету, сразу вспоминал о ней во время экзаменов. Она его здорово выручала, зубрила. Кстати, она знала о приближении своего часа и завсегда поджидала его возле какой-нибудь аудитории перед экзаменом. Своего повелителя.

– Хочу поехать в воскресенье в Загорск. Говорят, там такой архитектурный ансамбль, представляешь? Может, составишь компанию?

– Только что оттуда, – мрачно ответил Вадик.

– Да ты что? Расскажи! Как ансамбль?

– Ансамбль потрясающий.

И он, и она прекрасно понимали, что на ансамбль ей наплевать – ей важен один-единственный «солист», рядом с которым любой ансамбль будет лишь фоном.

– Знаешь, ты всегда казался мне каким-то... непонятным. – Она присела с ним рядом на постамент. – В твоём лице есть какая-то благородная печаль. И особенно эта бледность придает... такой шарм. Скажи, тебе когда-нибудь бывало грустно?

– Если б ты знала, как мне сегодня хреново, – сказал он. – Особенно когда курят рядом: я со страшного бодуна.

Она выбросила сигарету и встала.

– Хорошо. Я сейчас уйду. Ой, а кому такие цветочки? Хоть бы мне такие подарил кто-нибудь!

– Это Михал Васильевичу. – Он задрал голову и посмотрел на сидящего Ломоносова. – От Вадика Тараканова, благодарного студента...

Тоже, в сущности, несчастное создание, думал Вадик, глядя в ее удаляющуюся спину. Такое же несчастное, как и он сам. Они оба одиноки.

В сущности, все, кого он знал, страшно одиноки, если разобраться. Даже заядлые тусовщики, подозревал он, к пятому курсу впадали в тоску и занудство. Ну, кроме тех, кто женился. Да и тем не позавидуешь. Странно, почему так: к пятому курсу?

Вот Славка: его лучший друг. Был. Их тянуло друг к другу с первого курса. Сколько было говорено, сколько выпито вместе. Потом у обоих появились проблемы. С тех пор они не разговаривали. То есть говорили иногда, в минуты редких встреч на факультете, какие-то бессмысленные, незначущие фразы. Несколько раз Вадик заезжал к нему в общагу. Они сидели напротив, словно в аквариумах – каждый в своем. «Ну что, еще накатим?» «Подставляй». Бум – такая бутылка сквозь аквариум. Бум – стакан из другого. Буль-буль-буль. Накатили, и сидят, в аквариумах.

Вот именно, аквариумы, подумал Вадик, оглядывая факультетский двор. Курят, смеются, травят анекдоты, балдеют на скамеечках, читают на газончиках – и пускают пузыри. Такие ходячие аквариумы.

– Ты, в сущности, славный малый, Вадик, – начала она вдруг сама. Он даже вздрогнул. – Наша всеобщая беда в том, что мы друг друга просто не хотим понять. Прячемся в свои аквариумы, как страусы, боясь соприкоснуться душами. А чего бояться? Я и так вижу тебя насквозь. Никто тебя не поймет лучше, чем я. Мне понятны и твоё хамство, и твоя робость, твоя рефлексия и твоё одиночество, твоя печаль и твоя бледность... Я ведь, в сущности, одинока, как и ты. И когда я балдею на мажорских тусовках среди целой армии своих бойфрендов, и когда угощаюсь коктейлем на приемах, в театрах, на выставках и концертах, а потом шарахаюсь где-то ночью одна... Иногда не одна... А потом занимаюсь в подворотне с ними всеми сексом и насилием... пьяная в стельку, думая о тебе... Все мы одиноки. И все же... все же...

Она оглядывает его с головы до ног, вместе с его прекрасными розами, и с садистской улыбочкой заканчивает:

– И все же засунь их себе в задницу!

Вадик захлопнул глаза.

Когда он их открыл, то оцепенел: она задумчиво входила во двор через левые ворота.

«Сейчас или никогда!» – вспомнил он.

Может, лучше никогда?..

Нет, сейчас! Сию же минуту.

«Думай скорее, что ты ей скажешь, придурок! Нет, думать поздно».

Он схватил пиджак, цветы, поднял дипломат и рванул с места. Впрочем, «рванул» – это сильно сказано: со стороны могло показаться, что истощенный пытками узник волочит за собой кандалы с гирей по дороге на эшафот. Пройдя пять шагов, он с шумом уронил дипломат, наклонился за ним и выронил цветы. «Соберись, где твоя сила воли?» – приказал он себе.

Главное, не показать, что ты бежишь нарочно к ней. Так, случайная встреча... Она подходит к крыльцу, видит стоящего к ней спиной молодого человека... С благородной бледностью на спине... Она подходит – вдруг он оборачивается. С цветами. Ба, какая встреча...

– Здравствуй, Вадик, – говорит она. – Какие необыкновенные розы! Для кого они?

– Да так. Купил вот, сам не знаю... На, хочешь?

Он не успел услышать ее ответ – надо было срочно выбрать позицию на крыльце, чтобы оказаться к ней спиной. Он повертелся с отсутствующим видом и наконец нашел позу: задом ко всем, лицом к двери. Он стоял перед входной дверью с цветами на уровне груди, будто встречал торжественную процессию, которая вот-вот должна появиться изнутри...

«Какого хрена я тут стою? – вдруг подумал он. – С этим дурацким букетом...»

Вдруг дверь открылась, и перед ним явилась Мура Аполлоновна Свирипеева с громадной охапкой цветов. Увидев Вадика, она переменялась в лице. На секунду они уставились друг на друга, словно два конкурирующих ходячих цветочных магазина. Потом она возопила:

– И видеть не хочу! И знать не знаю тебя! Не подходи ко мне больше никогда! И цветами своими ты меня не разжалобишь...

С этими словами она вырвала у него букет и метко швырнула в урну. После чего развернулась и зашагала прочь размашистой походкой.

Вадик представил картинку: вот он сбегает легко по ступенькам, догоняет Муру и со всего разбега дает ей здорovenного пинка...

Раздаются аплодисменты. Молодежь вскакивает со скамеечек и стоя рукоплещет. Из окон факультета высовываются студенты, лаборанты, доценты, весь профессорско-преподавательский состав – все аплодируют, свистят и дудят в фанфары. Факультетский двор превращается в стадион, где публика буйно приветствует центрфорварда, забившего красивый гол. Из окна декана высовывается рука с двумя пальцами, в виде «виктории»...

Но тут Мура разворачивается вместе с громадным кулаком, и в следующую секунду кулак описывает зверский замах...

«Не-ет!» – кричит он...

– Привет, Тараканчик! – раздалось за спиной.

Он обернулся и воззрился на Ольгу.

– Как твои дела? – спросила она.

Он продолжал на нее пялиться, потом нагнулся и достал из урны букет. С него стекало мороженое, целлофановая пленка от сигаретной пачки зацепилась за шип и трепыхалась от дуновения эфира. Он попытался отодрать ее, наступив ногой.

– Жалко, такие красивые розы. – Она нарочно долго открывала тяжелую дверь, ожидая ответа. – Что ты будешь с ними делать?

Пленка наконец оторвалась, он постучал букетом о ступеньки, разбрызгивая мороженое.

– Тебе подарю, – решил он вдруг сострить. Он думал, получится страшно смешно.

Она терпеливо вздохнула.

– Спасибо. Засунь их лучше...

Он зажмурился.

– ...Откуда достал.

«Пош-шла ты, дура!!!» – мысленно заорал он ей вслед. Дверь захлопнулась.

Он оглядел двор. «Ненавижу вас всех», – подумал он. Потом развернулся и со всей силы метнул букет обратно в урну.

Промазал.

Стараясь держать себя в руках, поднял букет, отошел на три шага и с еще большей злобой швырнул.

Опять промазал.

Теперь цветы рассыпались. Он с видимым хладнокровием аккуратно собрал их, снова отступил, прицелился и запустил в цель.

Там.

Оглянувшись, он увидел, как три девушки, курившие у крыльца, с напряженным любопытством следили за его многократными манипуляциями.

«Интересно, что они обо мне думают? Бледный молодой человек с благородной печалью на лице упражняется в метании букета в урну...»

Он сошел со ступенек и сел на скамейку. Господи, думал он, долго ли это будет продолжаться? Долго ли они будут издеваться надо мной? Вот они посмеются, когда обнаружат его повешенный труп в его дворничкой квартире...

Притихнув, один за другим, они заходят в его квартиру. Он висит посреди комнаты, равнодушно покачиваясь из стороны в сторону. Все смотрят с широко раскрытыми глазами на его до блеска начищенные ботинки. На кровати лежит розовый букет.

Неожиданно слово берет Кукушкин.

– Друзья! Мы собрались здесь, чтобы полюбоваться на труп нашего товарища, Вадика Тараканова, которого мы все вместе вогнали в гроб. Только в такие тяжелые минуты понимаешь, на что способны наши черствость и бездушие, каких людей мы теряем по вине своей душевной подлости. Нет, он не нуждался в нашей жалости или сочувствии! Ему требовалась только крупица... Откровенно, я и сам не пойму, чего ему было нужно. Его вообще было нелегко понять. Это был еще тот тип... Я хочу сказать, что он был большой оригинал. Как удивительны были его суждения, как сочен был его юмор! А какие номера он порой откалывал... Он и умер, как жил, подшутив над нами всеми напоследок. Спасибо тебе, Вадик, за эту последнюю шутку – нам всем будет легче идти с ней по жизни... до самой смерти!., ха-ха... ха-ха-ха-ха...

Квартиру вдруг сотрясают раскаты молодого, здорового хохота. Смеются все. Держится за животик Кукушкин. Надрываются и угорают Моталкин и Бутылкин, они просто повисли друг на друге. Тарахтит, как пулемет, Славка, обняв любимого Фрейда. Рыдает от смеха Свирипеева с охапкой цветов. Хлопает себя по коленке Оловянный. Устало качая головой, усменяется Оленька... Даже ноги покойника подозрительно вздрагивают. Хлопает шампанское...

«Как вы меня достали все!» – стонал Вадик, покидая опустевший двор факультета. Сегодня он ненавидел их всей душой, сильнее обычного – за то, что вынуждали его чувствовать себя подонком и кретином, за то, что ежеминутно подвергали испытаниям его силу воли, за то, что заставляли на каждом шагу выполнять многократные манипуляции...

Как вы меня достали! Он отбил ногой пачку «Кэмела».

Оставьте меня в покое!!!

Москва, 1993 год

Игорь Малышев

Родился в 1972 году в Приморском крае. Живет в г. Ногинске Московской области. Работает инженером на атомном предприятии.

Автор книг «Лис» «Дом» «Там, откуда облака» «Корнюшон и Рылейка» «Маяк», «Номах». Дипломант премии «Хрустальная роза Виктора Розова» и фестиваля «Золотой Витязь».

Финалист премий «Ясная Поляна», «Большая книга» и «Русский Букер».

День в отпуске

– Я же говорил, будет хорошо.

Отец вышел из машины, ступил на скрипнувшую под ногой гальку.

– Да, действительно, – согласилась мать, опуская на глаза солнечные очки.

Маки на ее сарафане смотрелись особенно ярко на фоне темно-серых камней пляжа.

– Совсем никого. Даже не верится.

В нескольких метрах от берега плавала черная птица. Время от времени она ныряла и вскоре выныривала такой же сухой, как и была.

Игорь приоткрыл дверь машины. Сквозь образовавшийся проем увидел солнце и ряд коттеджей, уходивших вдоль береговой линии далеко на запад, к поросшему скудным кустарником холму.

Ближайший коттедж смотрел на ребенка стеклянным фронтоном, в котором отражались пляж, море и небо. За стеклом угадывались похожие на потоки застывшей лавы темные задернутые шторы.

Отец открыл багажник, достал свернутую трубой циновку, расстелил возле воды.

– Все-таки очень странно, – снова сказала мама, став на циновку и оглядевшись. – Такая пустота. Птица, равнодушная к людской суете, продолжала нырять. Под водой мелькали ее черные, похожие на складные зонтики лапы. Вода была прозрачной, но птица умудрялась растворяться, едва успев погрузиться.

Мама сняла сарафан, свернула его, спрятав маки, и положила себе под голову.

– Купаться? – предложил отец.

– Иди, я не хочу.

Он прошелся по берегу, забрел в воду по щиколотку, сморщив нос, посмотрел на море. Раздумывая, лезть – не лезть, ударил ногой по волне.

Мальчик подошел к отцу, стянул майку и бросил ее к циновке. Солнце колючками чертополоха легло на плечи.

– Бейсболку не снимай, – предупредила мать.

Отец помыл руки, брызнул себе на плечи и грудь.

– Глубоко не заходи. По пояс, не дальше, – бросил он сыну и пошел к лежанке.

Игорь слышал, как скрежетнули под ним камни, когда он укладывался. С хохотком застонала мать, наверное, он, как всегда, положил ей мокрую руку на живот.

Все затихло, лишь с негромким шумом вздрагивало море.

Игорь сделал шаг, вода обняла его ноги до самых колен.

Оглянулся на дом, тот смотрел на него бликующей стеклянной стеной.

Там отражались все те же море, небо, пляж. Еще был горизонт. Игорь удивился, что не разглядел его в первый раз. Наверное, он пришелся на линию между этажами.

Здесь лежат затопленные корабли, полные золота, древних статуй и изображений чужих богов. Здесь плавали древние греки, римляне, вавилоняне, ассирийцы, египтяне. Везли царей и принцев, бились друг с другом, чтобы усеять потом своими костями дно этого моря.

Родители журчаще и неразборчиво переговаривались сзади и чуть справа.

Потом звук их речи затих, но мальчик продолжал чувствовать между лопатками отцовский взгляд.

Игорь сделал несколько шагов. Теперь вода почти доставала до плавков. «Еще немного и стоп», – вспомнил он слова отца.

Отсюда море было похоже на пустыню. «Да, именно так я и читал где-то, “водная пустыня”», – подумал мальчик.

Волна, взбрыкнув, обрызгала его плавки, и он почувствовал ее холодное и будоражащее прикосновение к открытому тканью телу.

Кожа на плечах горела под солнцем.

Игорь присел, так что вода достала до самых скул, и снова выпрямился.

Бейсболка перекрывала часть неба, и он развернул ее козырьком назад.

Послышался мамин смех, перемежаемый папиным урчащим баском.

– Бейсболку не снимай, – напомнила мама меж всплесками смеха.

Игорь снова шагнул. Вода достала как раз до резинки плавков, той границы, дальше которой не разрешал заходить отец.

«Здесь лежат затопленные корабли, полные золота, древних статуй и изображений чужих богов. Здесь плавали древние греки, римляне, вавилоняне, ассирийцы, египтяне. Везли царей и принцев, бились друг с другом, чтобы усеять потом своими костями дно этого моря. Теперь все они лежат в темноте, покрытые илом, песком, камнями, и рыбы глядят из глазниц их черепов, словно зачарованные принцессы из окон замка. Здесь живут киты, акулы, гигантские спруты. Змеи-убийцы и убийцы-медузы. В этих водах когда-то плавали динозавры размером с нашу школу, рвали друг друга, кровь их влекла сотни других хищников, и тут бушевала каша из убивающих и умирающих. Они бились о воду, вгрызались друг в друга, чтобы потом тоже лечь костями на морское дно».

Игорь шагнул вперед, потом еще...

Нога его не нашла под собой опоры, и он провалился в пустоту.

Попытался закричать, но крик его вырвался из горла бессильной струйкой пузырьков. Играя и переливаясь, они медленно ушли вверх. Игорь бил руками и ногами, но все впустую. Свет над ним, прошедший сквозь бирюзовую средиземноморскую воду и оттого сам ставший бирюзовым, неумолимо темнел. Тишина и глубина сдавили уши.

Откуда-то вынырнула черная птица, обьятая шлейфом пузырьков воздуха. Посмотрела прямо в глаза, словно сообщила некий секрет или же, наоборот, спросила, разгадал ли он теперь секрет морской глубины, и, взмахнув зонтиками лапок, ушла вверх.

Игорь вдруг замер, перестал биться. Им овладело спокойствие, почти равнодушие.

– Похоже, теперь я знаю, как выглядит смерть.

Бейсболка медленно, почти торжественно сползла с его головы. Он увидел акулу, перекусывающую хоккейную клюшку, и картинка исчезла.

Игорь посмотрел наверх, туда убежали последние пузырьки воздуха, совсем маленькие и, как показалось, очень одинокие.

И тут ноги его ощутили под собой гальку. Таковую же, какая была у него под ногой, когда он вышел из машины.

Мальчик, цепляясь за неверное, выскальзывающее из-под ног дно, побежал вперед, едва ли сознавая, куда движется. Он цеплял камни кончиками пальцев, те отлетали, словно от колес буксующего автомобиля, но ребенок продвигался вперед. Скоро он увидел перед собой темную массу, вцепился в нее руками, та же галька, и двинулся вперед с удвоенной скоростью.

Потом он лег на берег, посмотрел на родителей. Отец поднял голову.

– Он здесь. Лежит, играет с камнями, – сообщил маме.

Руки ее, словно действуя в гипнотическом танце, двигались, перебирая пряди густых каштановых волос. Она неподвижно смотрела на море, будто нашла там что-то очень важное.

Легкие волны накатывали на берег, журчали в гальке. Перебирали ее, словно забавляясь бесконечным калейдоскопом.

Солнце снова легло на спину, но теперь не кололо, а грело.

Игорь дернулся, его беззвучно стошнило морской водой.

Понемногу он согрелся.

Монотонная серая мешанина камней перед его глазами стала распадаться на части, кусочки, детали. Сквозь серое проступили белые линии, красные искры, синие волны, камушки стали почти огромными и невозможно интересными. Мальчик пересыпал их с ладони на ладонь, чувствуя радостное возбуждение от новообретенной жизни, вглядывался, находил странные, невиданные прежде оттенки, удивлялся множеству и многообразию.

Накатывали волны, ткань камней перед ним менялась, шевелилась. И он, забыв о недавнем потрясении, перебирал пальцами, разгребал обнаруживающиеся богатства.

Снова раздался мамин смех, мальчик поднял голову, и взгляд его упал на дом. Шторы были все так же задернуты, но теперь между ними и стеклом стояла женщина в светящемся на солнце халате. Руки ее, словно действуя в гипнотическом танце, двигались, перебирая пряди густых каштановых волос. Она неподвижно смотрела на море, будто нашла там что-то очень важное.

Штора шевельнулась, появилась темная, цвета кофе, мужская фигура. Жилистые руки обняли женщину, прошлись от груди до бедер, развязали пояс халата. Игорь увидел черноту там, где сходились ноги женщины, яркие точки сосков на белой коже.

Руки продолжали свое путешествие, женщина засмеялась, повернула голову, поцеловала мужчину.

Потом перевела взгляд, и Игорю показалось, что их глаза встретились.

Она одним движением нырнула за штору, увлекая за собой своего друга, и перед мальчиком оказался все тот же неподвижный фасад, нарушаемый разве что последними колыханиями шторы.

Мальчик некоторое время еще чего-то ждал, неотрывно глядя на стеклянный дом, потом снова опустил глаза на камни перед собой.

Черная птица вышла из моря и чистила клювом перья неподалеку. На суше она была похожа на утку. – В гостинице скоро ужин. Если мы хотим успеть, надо ехать, – сказал отец.

Игорь перебрал камни, они играли узорами, светились на изломах. Захотелось взять хотя бы несколько, а лучше целую горсть, но он отряхнул руки и пошел к машине.

Когда выжимал плавки, стоя на раскаленной, как адова сковорода, гальке, взглянул на дом. Шторы не двигались.

Черной птицы снова не было видно.

* * *

Из своих тридцати лет N. провел в заключении двадцать пять. Он смутно помнил, как оказался под арестом. Грохот тяжелых сапог, сильные руки в перчатках, крики женщины и дрожащий голос мужчины – это единственные воспоминания, не связанные с заключением, которые у него были. С тех пор бетонная комната с матрасом, раковиной и ведром в углу стала для N. домом. Еду подавали перед сном через верхнее окошко двери, а через нижнее забирали ведро.

Он не умел ни читать, ни писать. N. не знал, ни за что его арестовали, ни где он находится, ни какой сейчас день недели. N. ни разу не видел себя в зеркале и не представлял, как он выглядит. Он почти не умел говорить, потому что никогда не пробовал, но отдельные слова все-таки понимал. И, несмотря на все это, у N. была работа.

Его будил хлопок, а затем комнату заливал яркий белый свет. Это значило, что пора надевать серую робу, которую перед сном он скинул прямо на пол. У верхнего окошка его уже ждал поднос – с яблоком, кружкой воды и продуктом. После того как N. успевал поесть, замок на двери отпирался, к нему приходили двое в масках, брали под руки и уводили из комнаты.

Ему не позволялось оглядеться, N. силой вели вниз по каменной лестнице: одна фигура спереди, другая позади. Если бы он умел считать, то знал бы, сколько по времени занимает весь спуск, однако все, что N. мог делать, – послушно перебирать ногами.

Они спускались до тех пор, пока лестница не упиралась в металлические двери. Через них N. попадал в огромный оружейный цех. Его вели зигзагами между столами, за которыми работали такие же, как он, – высохшие, сгорбленные, опустившие головы.

Он настолько хорошо знал дорогу, что наверняка смог бы дойти сам, но отказаться от сопровождения было невозможно. Рабочее место N. находилось возле одной из конвейерных лент, куда с ним вместе шли люди в масках. К приходу N. уже скапливалась горка металлических гильз, которые ему нужно было заправить порохом и упаковать.

Как только N. подошел к столу, двое сопровождающих отпустили его руки, после чего стали прохаживаться между рядами. N. взял дозатор, зачерпнул из коробки порох и засыпал в гильзу. Готовый патрон вставил до щелчка в пластиковую ячейку. Затем взял новую гильзу. Эту работу он делал каждый день, сколько себя помнил.

Люди вокруг него занимались тем же – засыпали порох в патроны. На стенах висели плакаты с изображениями различных калибров, устройством автомата, инструкцией по зарядке оружия.

Патрон, патрон, еще патрон. Когда ячейка заполнилась, N. отодвинул ее на край стола и взял из пачки новую. Хрустнув затекшей шеей, он перевел взгляд на широкие настенные мониторы, по которым обычно показывали развевающийся флаг Иобипы. Иногда, перед обедом, передавали короткий ролик, в котором люди в форме бегали и стреляли. N. знал его наизусть. А в конце рабочего дня высвечивалось мужественное лицо с черными глазами и квадратным подбородком. На голове – черная, блестящая фуражка. Голова кивала, словно говоря «спасибо», и несколько минут черные глаза смотрели на задравших головы рабочих. *Marshal* – откуда N. знал его имя, было непонятно, но именно это слово всплывало в голове при виде фуражки.

Раздался свисток. Закончив, рабочие досыпали последнюю гильзу и медленным шагом направлялись в конец зала. У коридора собралась молчаливая толпа, лишь изредка раздавался кашель или невнятное мычание. N., так же как и все вокруг, смотрел под ноги на обшарпанный пол, понемногу двигаясь вперед. Люди тесно прижимались друг к другу, толкались плечами, норовили протиснуться вперед как можно скорее.

Наконец толпа суживалась до очереди, которая затекала в коридор. Рядом располагалась столовая. Между столами прохаживались люди в масках, хотя за дисциплиной смотреть не

приходилось. Рабочие послушно брали из стопки подносы, становились один за другим и шли к окнам выдачи. В первом окошке наливали миску куриного бульона, во втором – воду, в третьем выдавали продукт. Ели здесь же, примостившись у настенных полок, жадно облизывая днища тарелок.

Затем гудел такой же сигнал, рабочие оставляли посуду и все так же, не говоря друг другу ни слова, возвращались к своим местам. Еще спустя какое-то время долетал последний за рабочий день, третий сигнал. В конце дня рабочие оттирали со лба пот и поднимались по лестнице в свои комнаты. Там каждого из них ждала миска с гречкой, яблоко, хлеб и продукт. Иногда лежала чистая аккуратно сложенная роба. После ужина сразу гасился свет.

Заключенные мылись в раковине, скидывали одежды и ложились спать.

N. существовал по такому распорядку всю свою жизнь, и больше он не знал ничего.

Как обычно, после ярко вспыхнувшего загудевшего света N. зажмурился, а потом стал натягивать робу. Он подошел к двери, чтобы взять свой завтрак, и застыл. На подносе чего-то не хватало. Кружка стояла как обычно с краю, рядом – зеленое яблоко, однако продукт...

Съев яблоко и выпив воды, N. уставился на пустое место. Щелкнул дверной замок, в комнату вошли двое в масках и перчатках. Теперь у них на поясах висели черные дубинки.

– 9RXXX.

Из горла N. внезапно вырвался хриплый, почти животный рык, и, услышав самого себя, он вздрогнул. Вошедшие с любопытством посмотрели на N.

– ЯККХ, КХХХ, – хрипел он, показывая на пустое место подноса, но крепкие руки взяли его за плечи и выволокли наружу.

В цехе заключенные уже начали работу. По пути к своему месту N. обратил внимание, какие у них встревоженные, беспокойные лица.

Торопливо засыпая порошок в гильзы, N. как никогда ждал звонка. Наконец прогудел сигнал, и он поспешил к толпе.

Здесь по-прежнему было много людей, однако вместо очереди за едой они топтались на месте. Под ногами валялись перевернутые тарелки, пол блестел от разлитого супа, то тут, то там лежали примятые куски курицы. Люди в масках слаженно отталкивали заключенных к стенам, а те недовольно мычали. Истошные вопли, лязг посуды и хлесткие звуки ударов раздавались отовсюду, пугали своей новизной.

– RTIS! SYSH TSA! JHVA!!! – кричали люди в масках, избивая непослушных дубинками.

N. стоял возле дверей, наблюдая, как группу орущих заключенных выводят с заломленными руками. Понемногу буйных рабочих становилось все меньше, крики смолкали, постепенно толпа рассасывалась. Когда все совсем стихло, N. и другие рабочие переглянулись, взяли подносы и, обходя лужи разлитого супа, пошли к стойкам выдачи еды. За ними начала собираться неуверенная очередь. Окно № 3, в котором выдавали продукт, оказалось закрыто.

– ЭУ? – показал пальцем на помятые железные жалюзи парень, работающий рядом с N. В ответ N. лишь помотал головой.

Пройдя мимо закрытого окна, N. расположился в привычном углу, и не успел он пригубить горячую ложку бульона, как раздался оглушающий сигнал. Тут же в дверях показались люди в масках, их становилось все больше и больше. Кто-то схватил N. за плечо, тот дернулся, задетая тарелка с бульоном перевернулась. Ошпаренный N. вскрикнул, но сильные руки скрутили его, повели вслед за остальными на выход.

Его тащили по цеху, швыряя от стола к столу. N. кричал изо всех сил, сам не понимая от чего: то ли от страха, то ли из-за ожога. Около рабочего места N. толкнули с такой силой, что он перевернул коробку с порошком и собранные гильзы – разлетевшиеся искорки запрыгали по полу.

– ROTATE!

Растянувшийся на полу N. с трудом поднял голову, перед ним возвышалась фигура в маске. Вместо глаз зияли черные стекла, а рот скрывался за решетчатым вырезом.

– ROTATE, JHBA!

N. дрожал. Он попытался было подняться, но ребра будто схватили в тиски.

– SBRATE! SYSHTSA!

– ЭКХХХХХ, – корчась, хрипел N.

Удар дубинкой в плечо откинул его на спину. Затылком N. ударился о холодный металлический стержень.

– STATE, ROTATE!

Он начал собирать разбросанные гильзы, в то время как человек в маске стоял над ним, спрятав за спиной руки. Закончив, N. с трудом поднялся на ноги. Краем глаза он заметил, что возле каждого рабочего стола теперь стоит по надзирателю. Многие из мест пустовали.

– ROTATE! – прозвучала громкая команда из-за маски.

Под таким присмотром N. работал до самого сигнала. От чужого присутствия то и дело дрожали просыпающие порох руки. Услышав гудок, неподвижная фигура схватила N. за локоть и потащила к лестнице, где уже выстроились такие же пары.

Поднявшись на этаж, N. забросили в комнату. Около двери стоял поднос с миской гречневой каши и яблоком. Продукта по-прежнему не было. Дочиста вылизав тарелку и обглодав яблоко, он лег спать прямо в одежде.

Когда N. разбудил хлопок и свет залил комнату, он спросонья пошел к двери, где стоял поднос. Яблоко, кружка... Пусто.

В цехе заметно поредело, в глаза бросались одинокие пустые столы. Теперь N. постоянно сопровождала молчаливая фигура надзирателя.

Работать стало сложнее. Он постоянно отвлекался, просыпал порох или ронял гильзы, однако замершая в нескольких шагах фигура оставалась неподвижной. Он еле дождался звонка, и когда в сопровождении подходил к столовой, то снова услышал шум, лязг и крики. Заключенные бунтовали, пытались убежать от людей в масках, сопротивлялись. Однако большинство жалось к стенке, искоса поглядывая на скручивания и аресты. Когда всех разогнали, к окошкам начала неспешно собираться очередь, но окно номер три по-прежнему было закрыто жалюзи.

На этот раз N. успел съесть суп прежде, чем раздался сигнал. Его отвели обратно к столу, где он проработал остаток дня. По пути домой он заранее знал, что на подносе будет пусто.

N. стал плохо спать. Он часто просыпался от чувства голода, вскакивал и ходил по комнате, пытаясь унять дрожь. С утра вставал до хлопка, ожидая, когда принесут поднос, но не наедался досыта.

Шли дни, продукта по-прежнему не выдавали, бунты становились все агрессивнее. N. чувствовал, что живет в постоянной тревоге, которая разрастается, точно горка с гильзами.

Как обычно, посреди рабочего дня прогудел сигнал. Оживший надзиратель взял за плечо N. и повел в столовую. У коридора толпились заключенные, не давая друг другу прохода. Люди в масках отпихивали от себя потные тела.

Вдруг рабочий впереди N. резко дернул рукой, словно стряхивая с рукава крошки, в его ладони мелькнуло что-то блестящее, и хлесткий удар поразил надзирателя в шею.

Сначала никто ничего не понял. Рабочие позади растерянно расступались, освобождая место на полу для обмякшей фигуры. Из толпы раздался крик, еще один, N. попятился к стенке. Под ногами он увидел распростертого надзирателя в маске, из шеи которого торчал хвост заточенной ложки.

Надзиратель рядом с N. вытащил из-за пояса дубинку, кинулся вперед, расталкивая преграждающих путь рабочих. Началась давка, N. вжался к стенке, наблюдая, как люди в масках

ломают руки заключенным и бьют ногами упавших. Рабочие давали отпор, N. видел, как двое выхватили дубинку из рук надзирателя и, оглушив, свалили его с ног.

Сплоченные рабочие почувствовали силу, а люди в масках больше не лезли усмирять бунтующих – дубинки теперь использовались ими, чтобы отходить к выходу.

N. не мог пошевелиться. На его глазах группа заключенных выламывала заслонку жалюзи. С оглушительным треском металлические лохмотья не выдержали и, лязгнув, обрушились на пол. Кричащие рабочие рванули в проем. Сглотнув слюну, N. поспешил следом, однако толпа не позволяла подобраться ближе. Кто-то стал протискиваться обратно, бессвязно бормоча что-то, и N. удалось заглянуть внутрь. В темном маленьком помещении по пустым полкам стеллажей шарили взволнованные заключенные. Ничего не отыскав, они растерянно вылезали обратно.

Зажатый между плитками и потолком, он почувствовал, как начинают затекать согнутые руки.

Возвращаться было опасно.

Вдруг послышалась очередь громких хлопков, а затем еще и еще – они будто торопились перебить друг друга. У выхода стояли вооруженные люди в масках, автоматы в их руках тряслись от жесткой отдачи.

Рабочие кинулись бежать. Раненые истошно кричали, кто-то корчился в судорогах, многие с голыми руками кинулись на нападавших, но были расстреляны. Люди в масках зачищали помещение столовой, без разбора стреляя по заключенным и отбрасывая ногами истекающих кровью.

Треск выстрелов становился все громче. Вдруг на глаза N. попала дыра выломанного проема, в который залезали несколько рабочих. Он нырнул к ним в темноту, пролез мимо дрожащих тел к стенке и забился возле последнего стеллажа, обняв руками колени.

Острые локти упирались N. под ребра, в полутьме худые, мокрые лица рабочих выглядели особенно жутко. Задрав голову, он увидел сдвинутую плитку потолка. Поднявшись, он взялся руками за полки, оттолкнулся от чьей-то спины.

– ЭУ, ЭЭЭЭУУУУУУУУУУ, – взволнованно донеслось снизу.

Приглушенные голоса были совсем рядом. N. попытался ударить кулаком по плитке, но не достал. Повыше залезть не получилось, как вдруг почувствовал, что его кто-то подхватил. Внизу рабочие держали N. за ноги.

Вытянувшись, N. поддел плитку, отодвинул. Схватившись за металлические перегородки, подтянулся, рабочие помогли ему залезть выше.

– LEVA! DESB!

Он рывками подтянулся, пролез под потолок и как раз успел спрятать ноги, опередив пробежавший луч фонарика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.